

Сергей Терещук

**МАЛЬЧИК
И
МОРЕ**

непридуманные истории

Сергей Терещук

Мальчик и море.

Непридуманные истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42924426

ISBN 9785005001399

Аннотация

Я не люблю скучающие лица! Особенно когда рассказываешь друзьям или играешь для зрителя и видишь потухшие от скуки глаза людей, которым все это безразлично. Вы можете смеяться или плакать, но не будьте равнодушными. Эти рассказы родились из историй, которые я рассказывал за кулисами, на съемочной площадке или просто за столом. И если вам станет неинтересно, бросайте книгу в помойку. И это тоже будет проявлением НЕбезразличия. А еще я не люблю, когда ешь за рулем мороженое и оно начинает таять.

Содержание

ПРЕЖДЕ ЧЕМ...	5
ТОЛСТЯЧОК	6
КАК Я НЕ СТАЛ МАТЕМАТИКОМ	74
КАК Я БЫЛ ТАМАДОЙ...	90
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Мальчик и море

Непридуманнные истории

Сергей Терещук

Редактор Мария Ворсанова

Редактор Юрий Фридштейн

Фотограф Сергей Терещук

© Сергей Терещук, 2019

© Сергей Терещук, фотографии, 2019

ISBN 978-5-0050-0139-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕЖДЕ ЧЕМ...

В этих историях большинство персонажей – реальные люди. И прежде всего я бы хотел извиниться перед ними за то, что раскрыл их тайны и секреты, которые они скрывают или, быть может, сами о себе не знают. И, возможно, свет и ракурс, в которых эти люди предстают перед нами, не очень им понравятся. Возможно! А с другой стороны, хочу сказать им огромное спасибо за то, что я встретил их и они показали мне мир в том виде, в котором вы его увидите, читая мои рассказы. Ведь если бы не эти люди, их слова и поступки, то ничего подобного в моей жизни не произошло и было бы не так интересно проводить отпущенное нам время. К сожалению, не всем удастся увидеть это сочинение... Так уж случилось, что некоторых людей с нами нет, но я очень надеюсь, что не обидел их память. А ещё, когда я рассказываю о них, они как будто только что вышли из комнаты и будут продолжать жить, пока эти истории будут читать.

И, конечно же, не могу не поблагодарить всех, кто помог мне в написании этих рассказов, всех, кто сподвиг меня на этот подвиг и спровоцировал на эту провокацию и преступление. Всем моим любимым, друзьям и близким – земной поклон!!!

Маше Ворсановой и Юрию Фридштейну – особенная благодарность!

ТОЛСТЯЧОК

Я был толстым ребенком. Толстым и непоседливым. Глядя на меня сейчас, в это трудно поверить. Худой и медленный. Флегма, как про меня говорят. А когда я в три года выходил на детскую площадку, все мамы хватали своих деток на руки и уносили от греха подальше: «Осторожно, Сережа вышел гулять!» Они уже знали, что Сережа очень любил обниматься с детишками. Заприметив ни в чем не повинного дитя, я бежал к нему с радостным криком: «Ляля!» И обнимал его. Но так как инерцию никто не отменял и закон тяготения тоже, то ляля оказывался на земле под толстеньким Серёжей. Само собой, слезы и все такое, и крики родителей пострадавшего от моей любвеобильности малыша:

– Угмоните наконец ваше чадо. Держите его в клетке. Безобразие!

Конечно, никто меня в клетку не сажал. Мама продолжала выводить меня на улицу, мамы хватали своих чад и уносили ноги.

Напротив нашего дома через дорогу была часовая мастерская. В которой жила семья Кацман. Мама – обширная домохозяйка, папа – маленький, щупленький, лысенький одноглазый часовых дел мастер, старшая дочь на выданье без образования Симха, дочь чуть младше, тринадцати лет, Иса, дочь десяти лет Аза, дочь семи лет Либа и нарушающий всю

эту вселенскую закономерность, мальчик трёх лет Вовка. Если девочки все как одна были вылитая мать, то Вовка был копия папы, только глаза у него было два. Вот с Вовкой то я и дружил.

Жили они в подвальном помещении пятиэтажного дома довоенной постройки в стиле Австро-Венгерской империи. И занимали там, ну, не сказать чтобы комнаты, а так, два смежных помещения. В одном располагалась сама мастерская, а в другом... сразу все остальное. Прихожая, гостиная, пять спален, кухня, кладовка, курительная комната и зимняя ванная с туалетом. В теплое время года горшок и ванную выносили на задний двор дома-колодца. Огораживали занавесочкой, и вот, пожалуйста вам удобства. Жильцы дома ничего не имели против по причине того, что двор этот был заброшен и превращен дворниками в свалку среди огромных лопухов, дикой малины и гигантских зарослей хвоща. К тому же, внутрь выходили только окна туалетных комнат и лестничных маршей. Может, кому-то и приходило в голову понаблюдать за девицами Кацман на горшке, но их самих это нисколько не смущало. Вот так и жировало это семейство на доходы от часовой мастерской.

Мы с Вовкой частенько проникали в этот заброшенный мир через узкую щель между створками металлических ворот в арке дома и бродили под шершавыми листьями лопухов, подпитываясь одичавшей малиной. Когда-то тут жизнь была ключом. В середине двора располагался заброшенный

фонтан, украшенный русалкой потерявшей голову и с оторванным хвостом. От фонтана к углам дома шли дорожки из каменных плит, раскоряченные проросшей через них зеленью. По краям дорожек доживали свой век остовы скамеек. И, судя по размерам арки, ведущей из внешнего мира в этот, сюда вполне могли заезжать экипажи. А теперь здесь было буйство дикой растительности, и природа демонстрировала всю свою безграничную мощь и затаившуюся власть над человеческой наивностью. Это был Затерянный мир, какие любят описывать писатели-фантасты.

Однажды, когда нам было лет по пять, Вовка привел меня в сад, когда солнце только начало садиться. Весь этот дикий мир был залит розовым золотом, паутинки сверкали бриллиантами вечерней росы. Две стены, образующие угол, отражали бархатный закат, а зеркала окон горели ярким пламенем. Все это буйство природы порождало причудливые тени. После захода солнца тут становилось очень страшно. Вовка притащил меня к фонтану.

– Залезай!

– Зачем?

– Отсюда хорошо видно!

– Чего?

– Тихо! Смотри!!!

И Вовка пронзил пространство рукой. Повернув голову в указанном направлении, я увидел занавески летней купальни Вовкиного семейства, которые плясали под аккомпане-

мент ветра.

– И чего?

– Сейчас...

За занавесками замаячила фигурка младшей сестры Вовки. Она начала раздеваться. Я вопросительно посмотрел на Вовку.

– И чего?

– Купаться сейчас будет... Голая! – восторженно прошептал мой друг.

Я смотрел на него и не понимал, он что, своих сестер голыми не видел? Или меня хотел удивить? А может, он знал чего-то больше, чем я, ведь был на полгода старше. Он развернул мою голову в сторону купальни.

– Чего ты не смотришь? – с обидой в голосе проговорил он. Как будто все, что происходило вокруг, было дело его рук.

– На что смотреть то?

– Ну, красивоооо же...

Красиво? Так вот оно что! Теперь я понял, с какого ракурса надо смотреть. На «Красивоооо»... И я стал смотреть. Сестры Вовки принимали водные процедуры по очереди. Первой шла младшая и далее по старшинству. Всякий раз ритуал повторялся движение в движение. Сначала мама выносила два ведра с подогретой водой. Потом выходила одна из дочерей в белой рубаше до колен. Мама развязывала ей на спине завязку, и рубаша падала к ногам, образуя та-

инственный белый круг, обнажая при этом абсолютно голое тело девушки. Далее из собранных на голове волос вытягивался гребень, и они черным переливающимся водопадом спадали по белому с розовым отливом телу до самых бедер. Девушка медленно делала шаг из круга, а следующей ногой становилась уже в жестяную ванночку. И начиналось купание розовой девицы. Кустодиев, Микеланджело? Забудьте! Если бы у художников были такие натурщицы, то живопись была бы совсем другой. Они не были толстые! Ни единой складки жира. Ни одной перетяжечки. Их упругие формы переполняла жизнь. Распирало от здоровья и молодости. Ещё чуть-чуть, и они лопнут! Или улетят, как надувная кукла. Природа создавала их крупными мазками, не жалея красок на изгибы и округлости. Когда вода стекала по их телам, они светились изнутри, как закатное солнце. Их фигуры были абсолютно одинаковы по форме. Отличалась только величина. Чем старше, тем больше. Их можно было вкладывать одну в другую. И первый раз в жизни я испытал неведомое для меня тогда возбуждение. Очень захотелось сходить в кустики, но я не мог оторвать глаз... Все очарование закончилось, когда на вечернее омовение вышла маман. Моментально! Как только упала белая рубашка, краски заката превратились в серые сумерки. Повеяло вечерней сыростью. Мрачные стены смотрели на нас стальными черными глазами. В глубине сада что-то хрустнуло. Вовкина мать, уже еле различимая в потемках, закричала в пустоту:

– Кто здесь! А ну, кому-то я сейчас...

Но мы не стали дослушивать, что именно! Мы побежали. Как два зайца с прижатыми от страха ушами и выпрыгивающими сердцами. Тьма, сырость и шорохи гнали нас с Вовкой прочь из Затерянного мира. Путаясь в паутине и царапаясь о колючки малины, мы бежали без оглядки к ржавым воротам. Вовка без труда прошмыгнул в проем между двумя створками, а я застрял. Казалось, от страха я стал ещё толще.

– Вовка, помоги! Тяни меня.

Вовка начал тянуть. Рубашка затрещала, по спине полоснуло что-то острое и мы вдвоем шлепнулись на булыжники холодной мостовой. Вовка посмотрел на мою спину. Дыхание срывалось. Во рту пересохло.

– Сережа, у тебя кровь!

– Ага!

В этот момент меня интересовало совсем другое.

– Вовка, а ты на них должен будешь жениться?

– Не знаю... наверно. Как папа скажет...

Вовка грустно почесал затылок. И тут я услышал голос своей мамы.

– Сережа! Сережа...

– Меня ищут. Я побежал! Мама, что?

– Дооомой.

– Иду! Пока, Вовка...

И мы разбежались по домам.

На следующий день я стоял у полуподвального окна ча-

совой мастерской и звал своего друга. Форточка открылась, и показалась Вовкина голова.

– Вовка, выходи!

– Не выйду.

Вовка не смотрел мне в глаза. За ним в полумраке комнаты маячила большая тень его мамы.

– А почему не выйдешь? Тебя нарутали?

– Мама не разрешает с тобой играть...

И, понизив до шепота голос, добавил:

– Мама сказала шо ты толстый...

Я смотрел на своего друга и не понимал связи между этими двумя вещами. Может, его мама боялась, что я его съем? И тут раздался её голос:

– Вовка, кому сказала, закрывай фортошку!

Мой, теперь уже бывший, друг закрыл окно, слез с подоконника и исчез в темноте часовой мастерской навсегда. Случилось все это в Черновцах. А потом наша семья переехала в Баку.

Жизнь толстого ребенка жестока и трудна. Опасности подстерегают его на каждом шагу. К тому же, надо принять во внимание, что все это усиливалось моей доверчивостью и наивностью. А еще несуразным внешним видом. Я ходил в шортах, сверкая бледными ляжками на Бакинском солнце, вызывая издевки моих сверстников и улыбки прохожих. Вот эта часть гардероба и спасла меня от неминуемой гибели... ну, или от пары синяков, хотя они же, эти дурацкие шорты,

и были виноваты в случившемся. Несмотря на мою полноту, я не был прямо-таки неуклюжим. Очень любил играть в хоккей на асфальте и лазать по деревьям. Единственное, чему я так и не научился, так это кататься на велосипеде! Я, наверно, единственный из всех, кого знаю, кто не умеет этого делать. Просто пару раз так шлепнулся в попытках удержать своё круглое тело в седле, что отбил себе все, включая желание обуздать этого двухколесного мустанга! Что касается хоккея, то меня ставили на ворота, надо же было как-то во благо использовать мою обширность. А я и не сопротивлялся! Мне нравилось стоять на воротах и быть последним рубежом! Надеждой команды! И не безуспешно, надо вам сказать! Все были рады! Кроме моих родителей... Ворота я спасал, а вот локти, колени и одежду нет! Все было принесено в жертву великой цели! Ссадины, царапины, синяки, разорванные брюки – это были мелочи по сравнению с пойманным теннисным мячом, которым мы играли в хоккей. Команды противника из соседних домов это очень злило! Увидев пухленького мальчугана семи лет в воротах, никто не мог поверить в то, что этот ПОНЧИК способен самоотверженно броситься под удар клюшкой и в шпагате, треща джинсами по швам, закрыть дальний угол ворот! Ух, как же их это раздражало! Обзывали как могли! Жиробас или жиртрест – было самое безобидное прозвище. А я в принципе и не обижался! Я делал своё дело! И этим мстил своим обидчикам.

Так вот. Про шорты. Я очень любил лазать по деревьям! Представляю, как это выглядело со стороны... Огромное тело мальчика, которому на вид все тринадцать лет, карабкается по бедному растению, которое гнется под непомерной тяжестью. А мне-то было всего семь, а по наивности так и все пять! Нет, я не был умственно отсталым! Просто я был, как мама меня называла, одуванчиком... Таким же бесхитростным, с огромной копной светлых волос... Стебелёк только был толстоват. А так вполне себе одуван. А папа ещё иногда называл меня лопушок... Вот такой я был странный гибрид. Селекционный эксперимент, если хотите...

Залезая на дерево, я становился капитаном Немо! А дерево превращалось в мой Наутилус! Так я был покорён этим фильмом про бесстрашных героических людей! Особенно капитаном Немо! Это я потом узнал, что играл его Владислав Дворжецкий, когда сражён был его Хлудовым в фильме «Бег»! Опять я отвлекся... Так вот, лазал я по деревьям в коротких шортах, демонстрирующих складочки на моих ляжках, не обращая внимания на комментарии и косые взгляды окружающих! Фраза: «Дылдак здоровый, пожалей дерево! Почему не в школе?» – была самой распространённой. Никому и невдомек было, что в первый класс я собирался только в сентябре. Поздно я в школу пошел.

И, видимо, не только на людей мои пухленькие ножки в коротких шортах действовали как красная тряпка, но ещё и на насекомых. Вокруг дома, где жили мои дедушка с ба-

бушкой и где я проводил все лето, росли деревья тута или шелковицы, как её ещё называют. В Баку это называлось тут или тутовник. Ну, не важно! На вкус и притягательность ягод это никак не влияло! Короче, тут он и в Африке тут, и в Баку тут. А осам все эти названия вообще до жала! Главное, что сладко и много. А тут какой-то бегемотский детёныш в шортах, ползёт по их дереву... Помните про Винни-Пуха? Только там пчёлы были... А я на самый верх уже залез! Уже почти добрался до капитанского мостика на уровне третьего этажа, как вдруг почувствовал обжигающие укусы сразу в трёх местах моих незащищенных ног. Где уж тут было держаться за ветки? Я схватился за очаги покушения на моё тело и... полетел вниз. Я кричал от страха, цепляясь руками за все, что мог, но продолжал падать. Тонкие ветки обламывались, не выдерживая моего веса. Чёрные спелые сочные ягоды тутовника осыпали меня со всех сторон, и вдруг я повис, не долетев одного метра до земли. Подо мной растянулся сладкий липкий ковер из плодов вперемешку с листьями и мелкими ветками. Надо мной было пять метров обломанных веток и продолжающих падать ягод и рой рассерженных ос. Вот это погружение на глубину! Я раскачивался на ветке, которая чудесным образом проникла под мою короткую штанину и вылезла из-за пояса. Наверно, я был похож на колобка на вертеле. Мои попытки слезть самостоятельно не приносили результатов. Барахтаясь в воздухе руками и ногами, я звал на помощь. Но мой Наутилус находил-

ся с торца дома вдали от пешеходных тропинок, да и солнце было в зените. В это время на улице могли быть только Серёжа и осы! Даже кошки с собаками прятались в тени, изнемогая от жары. Я продолжал бултыхаться и барахтаться, отпугивая мерзких желто-полосатых пернатых, покрываясь потом, пылью и черными сочными плодами дерева. Природа услышала мои стенания, ветка обломилась, и я шмякнулся в липкую жижу из тута, земли и всего, что обвалилось в результате моего падения. Мне стало горько и обидно! Горели укусы. Внутренняя сторона правого бедра, лодыжка левой ноги, и под коленкой тоже был укус. Там даже прилипла бедная тушка дикого зверя, погибшего, геройски защищая свою добычу в виде шелковицы. А ещё многочисленные порезы и царапины, полученные во время падения, щипало от пота. Я шёл домой и плакал. Две кошки с криком шарахнулись в разные стороны, собака, спавшая в тени на тротуаре, встала и перешла на другую сторону двора. И вот такой нарядный, в слезах и черной липкой глазури, я предстал перед моей бабулей. Она только всплеснула руками:

– Батюшки, Сереженька, где ты был?

– Я упал с дерева, бабуль...

– Иди в ванну мыться, родненький! Хорошо, ручки, ножки и глазки целы! Головушка ты моя!!!

Вот так! Для бабули у меня были ручки, ножки, глазки и головушка! И шо бы вы там не казали, шо я дылдак!

К десяти годам в моей комплектции мало что изменилось.

Только выше ростом стал, а ума, как многие считали, не прибавилось... Вполне возможно... На вид мне было пятнадцать, а по поступкам – дитя дитем! Жили мы в пятиэтажке, технический этаж которой был вечно затоплен. Вода доходила до третьей ступеньки лестничного пролёта, ведущего в подвал. Поэтому из живности там водились только комары. Раз, бегая по двору, нашли мы с другом Толиком маленького котёнка. И решили сделать из него отважного мореплавателя. Нашли коробку из-под обуви. Воткнули в дно палку, привязали к ней крышку от этой же коробки навроде паруса, посадили туда котёнка и пустили в плавание с третьей ступеньки подвальной лестницы. Но так как мы мало были знакомы с технологией судостроительства, наш корабль тут же начало терпеть крушение. Котёнок оказался в воде. Коробка вся размякла и ушла на дно. Котёнок работал лапами, высывал мордочку из воды и плыл... Но не к нам, а вглубь, туда где была закрытая дверь в сам подвал. Конечно, все наши «кис-кис», «на, иди сюда» и прочие возгласы были проигнорированы, и котенок продолжал удаляться. Я бы на его месте сделал то же самое. Мало ли чего ещё от нас, дураков, можно было ждать! И тут в подъезд зашел мой отец, вернувшийся с работы. Мы с другом вжались в стену.

– Вы чего тут делаете? Курите?

– Нет! – ответил Толик.

– Руки покажите!

Мы протянули трясущиеся ладони.

– А чего вы тогда тут торчите? Идите на улицу, там солнце...

Язык мой от страха совсем присох к нёбу. Я и не знал, чего сказать. Только виновато смотрел на отца. Толик показал пальцем в сторону подвала.

– Там котёнок...

– Где? Какой котёнок?

И отец стал вглядываться в темноту под лестницей, где теперь уже совсем редко раздавался всплеск. Было понятно, что маленькая животинка выбилась из сил и могла вот-вот уйти на дно вслед за коробкой.

– Котёнок? Как он там оказался?

Отец посмотрел прямо мне в глаза, и меня прорвало! Сквозь слезы и заикание, я начал свой рассказ:

– Мы хотели, чтобы он поплавал... мы кораблик сделали...

Я не успел досказать. А отец снял туфли, носки, закатал брюки...

– Ах, ты ж мать честная! Что же вы...

И полез в мутную, вонючую воду. Рядом со мной ревел Толик, размазывая пыль по щекам. Не знаю, как он, но я не боялся наказания, мне было жалко котёнка. Как я мог убить маленькую мохнатую жизнь!

– Папочка, я больше не буду! Пожалуйста, спаси его, папуля! Спаси!

Вообще отец не любил кошек. Сколько раз мама пыталась

уговорить его, он отвечал прямо и непреклонно:

– Аллочка, прошу, не надо, я не перенесу в квартире это зверьё. Кто будет за ним ухаживать? Не надо!

А тут мой отец, бурча себе под нос слова, которые я слышал только от старших мальчишек и никогда от него, поскользываясь на слизи, осевшей под водой, и намочив по колено свои костюмные брюки, спасал комок шерсти, который вполне возможно уже отдал богу свою крошечную душу. Я закрыл глаза и отвернулся к стене. Толик побежал к себе домой. Он жил на третьем этаже, прямо под нами. Дверь, хлопнув, выключила его плач. Мы с отцом остались один на один... за спиной захлюпала вода в мою сторону. Босые ноги по кафелю. За спиной, тяжело дыша, остановился отец. Я сжался в комок, втянул голову в плечи и ожидал наказания. Так мне и надо! Хотя меня никогда не били – ругали, ставили в угол, но чтобы бить... Никогда! А сейчас я сам был готов от горя биться головой о стену. Дыхание за спиной немного успокоилось.

– Кто тебе дал право распоряжаться чужой жизнью?

Вспыхнуло у меня над головой, как гром среди ясного неба, и электрическим разрядом раскатилось по всему телу.

– Никогда, слышишь меня, никогда больше так не делай!

Отец не кричал, не ругал. Он просто произносил слова, состоящие из обычных букв. Но каждое слово тавром впечатывалось мне в память. «Распоряжаться чужой жизнью...»

– Перестань реветь! Отнеси его на солнце, пусть обсохнет.

Я резко развернулся. Перед моим лицом, на огромной и родной папиной руке лежала трясущаяся серенькая кучка шерсти.

– Он жив? Папа, он жив! Спасибо тебе, родной мой. Спасибо, мой папочка! Ты настоящий герой.

Отец молчал. Я поднял голову, и его слеза упала мне на щеку. Сколько всего нового я узнал в этот день про своего отца. Он вложил мне в руку мокрого котенка, поднял с пола туфли и как был, с закатанными мокрыми брюками, пошёл наверх. Он уже скрылся из виду, как вдруг я услышал его голос:

– Только матери не говори!

– Хорошо! – ответил я и побежал на улицу, прижимая к груди обеими руками мокрый дрожащий комочек.

Найдя самое солнечное место на площадке, положил котенка и стал с замиранием сердца смотреть на него. Он очень скоро начал проявлять признаки жизни. Замяукал и встал на тоненькие лапки. Его надо было срочно накормить. Я стал оглядываться по сторонам в поисках еды и тут увидел отца, выходящего из подъезда. Он шёл ко мне, держа что-то в руках и странно шагая, словно был сделан из тонкого хрусталя. Когда он приблизился, я понял, что нес мой отец – блюдце, до краев наполненное молоком.

– Дай ему поесть...

Папа присел рядом на корточки и поставил перед котенком белое озеро. Хвостатая мелочь погрузила свою мор-

дашку в молоко и жадно заработала язычком.

– Колбаса вот ещё...

Из кармана было извлечено колбасное изделие из ливера, завернутое в салфетку. Как только отец положил колбасу рядом с блюдцем, котёнок тут же забыл о молоке и набросился на ливер, смешно порывая при каждом укусе.

– Не сдох бы только от обжорства... Не засиживайся тут долго. Скоро ужин.

Он потрепал меня по загривку и, как большой лев, пошёл домой. И это тоже был мой папа! Папа, не любивший кошек.

Я частенько таскал с улицы всякую живность. Родители других ребят ее выбрасывали, а я в дом тащил. То черепаху с треснутым панцирем, то ёжика почти облысевшего, то голубя со сломанным крылом... всего и не вспомню. Все это, конечно, или выхаживалось и отпускалось, или хоронилось под балконом. Я как-то приволок кошку со сломанным кончиком хвоста. Таковую коричнево-дымчатую с голубыми глазами. Мне жалко стало ее.

– Мама, ей надо хвостик полечить!

– Сынок, это порода такая.

Откуда же я знал, что это сямская... Папы дома ещё не было. И мама сказала:

– Вот как отец решит, так и будет. Ты же знаешь, как он к кошкам относится.

Я мигом назвал кошку Марысей... не Марусей, не Мари-ей, а именно, хрен знает почему, Марысей, и сел с ней в об-

нимку на диван, ждать папу с работы. Долго ждать не пришлось. Открылась дверь, папа вошёл в коридор и сразу же чихнул два раза.

– Таааак! – протянул он, что не предполагало ничего хорошего.

Кошка, все это время мирно спавшая рядом со мной, тут же проснулась, стекла с дивана, выгнула дугой спину, потом вытянулась струной, присев на задние лапы, и всё это на виду у потерявшего, от такой наглости, дар речи отца. Заурчала всеми своими моторчиками и, подойдя к папе, стала тереться о его ноги. О ноги жожака стаи. Мама вышла из кухни с немым вопросом – Почему воцарилась тишина? Отец какое-то время молчал, глядя на этот подхалимаж, и вынес вердикт:

– Вот зараза! Ладно, оставайся, раз ты такая...

Марыся тут же прекратила урчать и королевой отправилась на кухню к своей миске. Жожак дал согласие.

К тринадцати годам я вытянулся ещё больше и, может быть, из-за этого уже не казался таким уж толстым, но все равно был крупнее моих сверстников. Особенно потешался надо мной наш сосед по лестничной клетке, слева. Чем он зарабатывал на жизнь, мы не знали, но его жена была вечно беременная большая женщина, а он всегда в джинсах «Вранглер», которые стоили, как зарплата среднего инженера, и на мотоцикле «Ява», что тоже было зачетно! Еще у них был «Запорожец» от дедушки, но этот чихающий и ре-

вущий кандидат на свалку скорее был позором семьи, в котором хранили всякий хлам, хотя иногда его использовали по назначению. Сосед, Тофик, так его звали, был меломаном и имел дома по тем временам акустическую систему, какую можно было увидеть только по телевизору в доме у какого-нибудь загнивающего капиталиста. Бобинный магнитофон Hi-end класса, проигрыватель пластинок (мама дорогая) «Панасоник», усилки, отрада моих снов ЭКВАЛАЙЗЕР, от данного слова я покрывался мурашками, и четыре, в метр высотой, колонки. Как же все это мигало, крутилось и звучало!!! А ещё светомузыка на всю стену. Не хочу ничего, пустите к Тофику! И все это чудо техники размещалось в отдельной комнате хрущевской пятиэтажки. В другой комнате жила его семья. Он, беременная жена, два сына двух и пяти лет, дочь семи лет и брат хиппи, обитающий на кухне. Тофик снабжал меня фирменными пластинками по три рубля штука и давал возможность перезаписать модные группы на магнитофонную плёнку за чай с арахисовым тортом по рубль тридцать. Торгаш был Тофик. А ещё у них была дача. На берегу Каспия, в Мардакянах. Ага, в тех самых, где Есенин написал свой цикл стихов, думая, что он в Персии. А дача находилась в полчаса ходьбы от музея поэта. И двадцати минутах от моря. Шла первая неделя каникул, все мои друзья разъехались по своим дачам, а у нас дачи не было, и я, изнывая от тоски, одиноко слонялся целыми днями по двору или валялся перед телевизором. Маме было жалко на меня

смотреть. А тут к нам в гости зашла беременная жена Тофика, Татьяна. Женщины пошептались на кухне, а после ухода соседки мама вошла в мою комнату и сообщила:

– Собирайся, поедем на недельку на дачу к Тане с Тофиком.

Я, не веря своим локаторами, посмотрел на маму:

– С Марысей?

– Ну, а куда же ее девать? С Марысей.

Папе идея не очень понравилась. Он-то не мог поехать с нами. До отпуска было еще два месяца. Они с мамой договорились, что он приедет на выходные. А до этого мы будем за него купаться и загорать до седьмого пота, а он – работать за нас до одури. На следующий день, упаковав весь пляжный арсенал в рюкзак и Марысию в спортивную сумку, мы в полном составе, включая брата-хиппи, замариновались в «Запорожец» и отправились на дачу в есенинскую Персию. На улице было плюс 34, в машине – четыре ребенка, плюс двое взрослых, плюс беременная женщина, плюс брат-хиппи и плюс 43, минус комфорт, кондиционер и чистый воздух. Открытые настежь окна не спасали ситуацию. Водители немногочисленных авто, давясь со смеху, обгоняли нас или ехали навстречу, сочувственно сигналивая и мигая фарами. Гаишники весело махали нам полосатыми палочками, чтобы мы скорее проезжали, или демонстративно отворачивались. Ну, что с нас возьмешь? И вот, всего каких-то три часа, и мы у цели нашего путешествия. Припарковавшись у двухметро-

вого бетонного забора, старенький автомобиль отдал своему богу душу и затих уже навсегда.

– Ну, наконец-то отмучился! – сказал брат-хиппи, захлопывая ногой покосившуюся дверь почившего авто.

Через калитку в глухой стене мы вошли под арку метра два шириной, густо поросшую виноградом, так что только редкие лучи палящего солнца проникали сюда, чтобы устроить кадрили с танцующими пылинками. Пройдя виноградным коридором метра четыре по каменным плитам, хрустящим мелким песком, мы вышли на открытое пространство дачного участка. Шесть соток? Тут их было три раза по шесть. В середине бассейн. Бетонный квадрат пять на пять. В дальнем правом углу двухэтажная бетонная дача с окнами-бойницами в белых плавающих занавесках и с балконом-верандой на втором этаже, покрытой навесом из одичавшего винограда и плюща. В левом углу единственное деревянное строение – сарай. Все остальное пространство было засыпано песком и засажено рядами виноградных лоз, подвязанных на нотном стане проволоки, натянутой, опять же, между бетонными столбиками. Можно было заподозрить Тофика в том, что он подпольный железобетонный магнат или участок стоит на цементном месторождении, а может быть, просто свистнул состав бетона, столько его тут было. В итоге получалось засилье трех цветов. Зеленого виноградного, растущего из желтого песочного, окруженного бункерно-серым. Одна-единственная дорожка из розово-

го камня шла от ворот через бассейн к дому. Но ее было так мало, что она не в счет. Еще невысокий сарай в углу, почерневший от загара, но и он не в счет. Еле проглядывал через стену виноградной лозы.

Мы гуськом двинулись по дорожке к дому. Все, кто смог выбраться из погибшего «Запорожца». Таня-гусыня с вывотком троих детишек, хиппи, навьюченный всеми сумками и рюкзаками, что были в машине, я с охрипшей от бесконечного мяуканья Марысей, и замыкал колонну Тофик с двухкассетным магнитофоном-приемником «Sharp».

По полуметровым в ширину плитам идти было неудобно. Я решил сбросить сандалии, сойти с дорожки и обогнать всех по песку, чтобы дать воды вконец замученному поездкой животному. В следующую секунду меня настигла кара.

– Ай-ай! Мама...

Песок жег огнем. Он был раскален на солнце. Я потом узнал, что в песке после полудня можно запечь вкрутую куриное яйцо. Мои ступни тут же стали красными, как пухленькие раки. Тофик прорвался заливистым смехом.

– А толстеньким домашним мальчикам лучше ходить по дорожке! Будут целее ножки!

Мама обернулась.

– Сережа, ну что же ты...

Я запрыгнул опять на дорожку, преодолевая боль, и, глотая соль обиды, пошел в общем строю.

Вход в дом прятался под балконом. Тут всегда была тень.

Площадка перед домом тоже была вымощена плитами, которые дышали блаженной прохладой. Какое счастье было ступить на эти плиты босыми обожженными ступнями. Здесь находился плетенный из лозы мебельный гарнитур, столик с тремя креслами. Тут же из стены дома торчал кран, к которому крепился скрученный удавом шланг для полива. Дети рассыпались по дому. Хиппи с вещами ушел за угол. Тофик расположился со своим магнитофоном в кресле у столика. Заботливая тетя Таня усадила меня на свободное место. Мама стала осматривать мои пылающие ноги. Тетя Таня повернула рычаг крана. В животе резиновой змеи заурчало, и из металлического горла вырвалась на волю голубая живая вода.

– Ну-ка, давай промоем водичкой...

В первый момент мне показалось, что ноги окатили кипятком, я вздрогнул, но через секунду я понял, вода была ледяной.

– Очень холодная, да? – спросила тетя Таня.

Мама стала осторожно смывать песок со ступней. Тофик прервал процесс установки батареек в свой блестящий сталью «Sharp».

– Это из скважины. Сто тридцать метров. Чистейшая. Пить можно. Да что вы с ним носитесь, он же мужик. Подумаешь...

Его жена метнула в него молнию гнева. Тофик в ответ прыснул смехом и вернулся к своему пластиковому другу.

Мама достала из сумки полотенце.

– Полегчало?

– Да, мамочка... Спасибо, тетя Тань!

– Ничего страшного. Это дело привычки... А ваша-то кошка....

И хозяйка кивнула в сторону. Я обернулся. Марыся, выбравшись из спортивной сумки, жадно лакала искрящуюся радугой воду из образовавшейся на плитках лужи. А там, где начинался песок, путь воды резко обрывался, будто ее вообще не существовало в природе. Жажда песка на солнце была невероятна. Он впитывал все до капли, не оставляя следа.

Марыся напилась воды и пошла обнюхивать предметы и растения, вздрагивая от каждого шороха и движения, приседая на задние лапы и прижимая уши. Тофик специально несколько раз топнул ногой, напугав и без того измученное животное.

– Дядя Тофик, не надо, она боится.

– Да ладно, чего ей будет! Уууу, зверюга...

И он хлопнул в ее сторону ладонями так, что кошка подпрыгнула на месте и сиганула за угол дома. Тофик покатился со смеху. Таня, поглаживая живот, сказала: «Дурак здоровый!» – и пошла в дом. Мама подмигнула мне:

– Ты как?

– Нормально, мам!

– Пойду вещи наши разложу... Таня, а где нам вещи свои разложить? – прокричала мама вдогонку хозяйке.

Дядя Тофик опять оторвался от своего агрегата, который все не хотел заводиться:

– А вы чего, хотите в одной комнате спать, что ли? Вот те на! Он же мужик, пусть в подвале спит, там прохладно. Я туда еще эту бандуру поставлю с кассетами. Будет балдеть по ночам!

И он, взяв свой магнитофон, пошел за угол дома, где сначала исчез брат-хиппи, а потом туда умчалась Марыся. Не дойдя до угла, Тофик остановился.

– Или ты боишься один? А то еще похудеешь от страха.

И он скрылся за углом. Там раздался звонкий свист, потом смех дяди Тофика, а потом как ошпаренная из-за угла выскочила Марыся и бросилась наутек к сараю. Мама погладила меня по голове.

– Не обращай внимания. Это у него шутки такие...

– ...

– Хочешь в подвале спать? Может, действительно, там будет лучше, чем наверху... Сам решай!

– Да, буду в подвале.

– Ну, иди. А я к Татьяне.

Мама ушла в дом. Я надел сандалии и пошел за угол. Посредине дома, как выщербленный зуб, чернел проем. Я подошел к ступеням из мраморной плитки, ныряющим круто вниз.

– Смотри, осторожно, – донеслось из темноты. – Ступени скользкие. Особенно если ноги мокрые. И голову береги,

потолок низкий.

Из подвала тянуло сырой прохладой. Спустившись, я попал в метровый коридор, расходящийся буквой Т. Из левой двери доносилось тихое пение, похожее на магические мантры народов севера.

– Направо поворачивай. И смотри под ноги, еще четыре ступеньки. Тоже скользкие, – донеслось из правой комнаты.

Я повернул на голос. И держась за влажную от конденсата стену, нащупал первую ступеньку... И сразу же поскользнулся, но с трудом удержался на ногах.

– Ой!

– Я же предупреждал! Очень скользко.

Глаза стали привыкать к темноте. Через горизонтальную щель в стене, размером с форточку, пробивался параллелепипед пыльно-желтого солнечного света. Отскакивая от мраморного пола, он ударялся о шершаво-серый потолок, оставляя там свой прямоугольный отпечаток. Здесь было влажно и холодно. Не верилось, что на улице плюс 34 градуса.

– А зачем тут мраморный пол, если скользко?

– Зато красиво... Сейчас свет почию... От сырости замыкает вечно...

В углу, где шевелилась тень дяди Тофика, коротнуло, и вместе с искрами посыпался отборный мат. Фейерверк закончился, и все стихло. Потом в луч света вошел монтер-пиротехник, рассматривая свою руку.

– Нормально меня еб... Кхм! Садануло! Аж искры из глаз!

Там выключатель справа у входа на уровне пояса.

Я пошарил рукой по стене и нащупал кнопку. Щёлк! Тоскливо зажглась лампа посреди комнаты, поглотив солнечный свет из бойницы окна, превратив комнату из подземелья в склад забытых вещей. Тут были кровать с провисшей сеткой, прикроватная тумба пионерлагерного образца, у противоположной стены стояли ящики с инструментом, проводами, железными банками. Вдоль стены ползла полка с закупоренными стеклянными бутылками, в которых поблескивали всеми цветами радуги загадочные жидкости. Тут же в углу куча ржавого хлама оцетинилась запчастями для неведомых мне станков и транспортных средств, которые здесь, по всей видимости, пытали и замучили до смерти. Под жалким подобием окна стояла длинная тумба, на которой вольготно расположился новенький, но так и не заработавший японский кассетник, и скромно развалился старенький советский патефон. Все полки тумбы были заставлены старыми пластинками! Патефон и пластинки!

Пока Тофик пытался реанимировать японского годзиллу, я решил познакомиться с патефоном. Две коробки, обтянутые зеленым подобием клеенки, соединённые двумя рояльными петлями, вытянулись на тумбе, стыдливо демонстрируя своё жалкое нутро иностранному чуду техники. Никелированная ручка для завода, металлический блин диска, пронзенный штырем в центре, взбудораженная пружина, торчащая из ящика, шестерёнки, заполонившие внутрен-

ность, и звуковая изогнутая трубка с круглым громкоговорителем. Только иглы не было...

При помощи отвертки, мата и ободряющих постукиваний магнитофон ожил... Но ненадолго. Годзилла был голоден и тут же зажевал кассету...

– Твою-то так...

– Дядя Тофик, а иглы нет?

– А чего она даст?

– Для патефона...

– А! Я-то думал, для этой дряни... Гвоздь возьми сапожный! Вон их там в ящиках полно.

– Просто гвоздь?

– А какая ему разница? Только самый тонкий выбери...

Хочешь починить эту рухлядь? Давай! А то у меня руки не доходят... Если масло для смазки нужно, то там в банках есть какое хочешь.

И сосед опять жажнул по «Шарпу» кулаком. В результате такого приема карате отвалилась, как челюсть, крышка касетоприемника. Больше он ею жевать не сможет! Но была же ещё вторая! Начались пытки паяльником.

Я нашёл в ящиках коробочку с тоненькими гвоздями и отыскал в завалах жестяную масленку. Вскружив пружинную голову, уговорил ее вернуться к заскучавшим шестерёнкам и задобрил их маслом, на своё место водрузил тяжеленный диск с резиновым блином, откусив кусачками шляпку гвоздика, закрепил его в зажиме на головке, вставил никели-

рованную ручку в гнездо и провернул несколько раз по часовой... Достал с полки старый выцветший конверт... Апрельский завод грампластинок. Вторая гр. АРИЯ РАДА-МЕСА. Э. КАРУЗО (На итальянском языке). Руки затряслись, и сердце часто забило. Нанизал пластинку на короткий штырёк, опустил звукосниматель с иглой собственного изготовления на начало дорожки... И ничего... Тишина... Я разочарованно выдохнул и почувствовал, что на меня смотрят... Слева хозяин дачи парами канифоли и олова пытался изгнать демонов из магнитофона. А справа в дверях стоял брат-хиппи. По всей видимости, он давно наблюдал за нашим экзорцизмом.

– Там надо собачку повернуть... – произнёс он, улыбнувшись.

– Какую нахрен собачку, Джаник! Чего ты городишь! Собачку... Это японский магнитофон...

Хиппи-Джаник подошёл ко мне и передвинул маленький рычажок под металлическим кругом вправо... И пластинка закружилась! Раздались шипение и тихий треск... Э. КАРУЗО запел на чистейшем итальянском языке! Патефон, который годился мне в дедушки, сапожным гвоздем воскрешал из прошлого давно забытый голос певца. Это было чудо! Джаник протянул мне открытую ладонь, что означало «Дай пять», и я с удовольствием хлопнул по ней.

– Там женщины ужинать зовут! Меня за вами послали!

– Сейчас иду! – ответил Тофик.

И брат-хиппи пошёл к выходу. Я с благодарностью смотрел ему вслед. В дверях он повернулся.

– Если от батареек не работает, попробуй в сеть включить...

– Иди отсюда, сам знаю! – огрызнулся хозяин.

И Джаник, а полным именем Джангир, ушёл. Тофик сплюнул на мраморный пол, взял шнур от магнитофона и воткнул его в розетку. Индикаторы загорелись зелёными зрачками, стрелки весело дернулись вправо и ритмично запрыгали в такт только им одним слышной музыке. Тофик со злостью выкрутил громкость на полную. В комнату ворвалась группа «Бони Эм», загнав испугавшегося старичка Э. КАРУЗО в шипящую пластинку. Я повернул рычажок. Пластинка остановилась. Патефон умок. В дверях показалась перекрикивающая представителей чуждой нам эстрады тетя Таня.

– Вы чего тут? Оглохнуть можно! Ужинать идите!

Тофик щелчком кнопки «стоп» оборвал песню про солнце и молча вышел из помещения. Тетя Таня посмотрела ему вслед, потом перевела взгляд на меня:

– Чего у вас тут произошло?

– Я патефон починил!

– Умница! Идём за стол!

Я осторожно отвернул звукосниматель, снял пластинку, вложил её в конверт и пошёл к выходу. Хозяйка выключила свет, и комната взорвалась радужными пятнами! Закатное

солнце, отскочив от мрамора, ударило в бутылки на полках и расколосось на тысячи разноцветных бликов. Я оказался внутри детского калейдоскопа. Стал кружиться на одном месте, как крутят трубку со стеклышками. Таня засмеялась, потом остановила меня за плечи.

– Тут надо быть осторожным! Очень скользкий пол...

И повела меня из комнаты.

Стол был накрыт на веранде второго этажа под виноградными листьями. Отсюда было видно, как огромный рыжий шар так раздобрел за день, что уже не мог держаться в зените и тяжело сползал за горизонт, пытаясь втиснуться в раскалённый за день посёлок! Спрятаться от ночной темноты и отсидеться за заборами до утра! Висела звенящая тишина, не нарушаемая даже шелестом листьев ввиду отсутствия какого бы то ни было движения воздуха. Все дышало летом. Даже бетон и тот, напившись солнцем за день, сейчас отдавал тепло, просто так, безвозмездно, в пространство. Ночь обещала быть жаркой, но все лучше, чем в городе, где ко всем вкусностям горячего лета гарниром подавались пыль, гарь, копоть и отсутствие чистого воздуха! А тут через дверь кухни тягучими волнами разливался аромат свежеприготовленной еды. Им уже можно было заедать запах свежих овощей, которые разлеглись на блюде по соседству с зеленью и лавашем, только что из тандыра! Все было произведено, приготовлено, выращено и собрано сегодня, здесь и сейчас! Огурцы, помидоры и перец росли за домом. Лук, чеснок

и кинза, рейган и тархун – рядом с сараем. Мацони и сыр взяты у соседа справа. Лаваш – у соседа через дорогу. Натуральное хозяйство! Никто даже и не мечтал о супермаркетах! Заберите их себе обратно!

Джангир гонял малышню-клопышню вокруг стола. Они визжали, пищали и смеялись, вызывая ответный лай соседских собак, и так увлеклись игрой, что чуть не сбили с ног Тофика, который вышел на веранду из своей комнаты.

– Обалдели что ли? Джаник, весь поселок на уши поднимете! Давайте, садитесь за стол! А ты чего там стоишь, как в гостях? Тоже садись! – обратился он ко мне.

Пьянящий аромат с кухни сделал его добрее. На балкон вышла мама с подносом, на котором стояло два кувшина – один прозрачный, покрытый капельками росы, с розовой жидкостью, в которой плавали ягоды смородины, крыжовника и ежевики, а другой кувшин был глиняный, и можно было догадаться, что в нём находится домашнее вино. За мамой вышла тетя Таня, держа полотенцем за уши чугунный казан с крышкой, из-под которой струился еле заметный зеленоватый дымок. При виде этой процессии хозяин расплылся в улыбке.

– Ну, наконец! А то я уже думал, с голоду помру... что там у нас?

Хозяйка открыла крышку и выпустила сказочного джинна с запахом долмы! Джинн заставил всех захлебнуться слюной и схватиться за вилки.

– Долма! – представила тетя Таня нам блюдо и добавила: – Из баранины! Алла, вы же едите баранину? Свежая! Не из магазина!

– Мы всё едим, – ответила мама и начала разливать напитков по граненым стаканам.

– Таааак! Детишкам холодненький компот...

– И взрослым тоже компотику, – подключился дядя Тофик и из глиняного кувшина дугой к стаканам потянулась светящаяся розовым тягучая влага. – Прошлогоднего урожая. Изабелла. Рядом с бассейном растёт... Ну, милости просим, гости дорогие!

И Тофик поднял бокал, призывая всех присоединиться к нему. Тетя Таня раскладывала долму по тарелкам.

– Ну, Тоф, подожди! Дай поесть сначала!

– Поесть мы всегда успеем. А спирт испаряется!

Дядя Тофик перевел бокал вина на вытянутой руке в мою сторону и прицелился сквозь него одним глазом.

– У-ле-ту-чи-ва-ет-ся! Да, боцман?

Так он меня иногда называл за мою полноту. Да и не только он. Во дворе тоже. Почему люди считают, что если боцман, то обязательно толстый? Я и худых видел...

– Кстати, а наш мастер Пончик починил пончифончик. Может, ему тоже вина, а то что он как маленький? Алла, ты же не против? – продолжал веселиться хозяин.

Мама погладила меня по голове:

– Рано нам ещё...

Вдруг снизу на всю катушку грянула песня про солнце «Бони Эм». Они как с цепи сорвались. Орала так, что в окнах задребезжали стекла. Дети вздрогнули. По поверхности жидкостей в стаканах пробежала рябь. Тофик опустил бокал.

– Че это?

– Я посмотрю! – брат-хиппи пошел утихомиривать взбесившихся музыкантов.

Хозяин вертел бокал вина за ножку, играя рубиновыми зайчиками.

– А меня отец с десяти лет вином угощал. И ничего! Нормально, как видите! Ну, всё? У всех долма в тарелках? Можно поднять бокалы, жена?

Острие холодной улыбки вонзилось в Татьяну. После тоста пришла очередь долмы. Это такие маленькие голубцы из рубленой сочной баранины, завернутой в молодые виноградные листья. И баранина должна быть именно рубленой! Большим ножом! А не бездушно перемолотая в мясорубке и превращенная в безжизненный фарш. Сказочное сочетание слегка терпкой кислинки бархатной листвы с немного соленным и в меру перченым сладким мясом молодого барашка. И обязательно полить соусом из кислого мацони с перетертым с солью молодым чесноком, выдержанным в холодильнике. Кислое, терпкое, мясное, соленное, острое и сладкое одновременно. Вот такое сочетание вкусовых красок создаёт всеми обожаемую картину кулинарного импрессионизма под названием «Долма».

Музыка внизу оборвалась так же резко, как и включилась. На полупфразе. «The dark days are gone, and...» Чик и все! «Темные дни прошли, и...» Не успели досказать артисты зарубежной эстрады чего же там произошло дальше. Вернулся Джангир.

– Сам собой включился магнитофон. Коротит, наверно, чего-то. Я его из розетки вытащил.

Осушив до дна бокал вина, Тофик взял вилку, открыл крышку казана, пронзил маленькое зелёное тельце горячей долмы, макнул ее, истекающую соком, в белый холодный соус мацони с чесноком и отправил догонять двести грамм домашнего вина.

– Люблю вот так вот из общей кастрюли горяченькую заточить... пока они там не остыли, как на тарелке....

Он сделал несколько движений небритыми челюстями, раскусив и пожевав невинную долму... Потом медленно встал из-за стола, подошел к перилам и, выплюнув все это за балкон, обернулся к Тане.

– Ты где баранину брала?

– У Самеда...

– Я же просил тебя не брать у него. Он кормит своих баранов каким-то дерьмом! До Зураба лень было дойти? – голос становился жестче.

– Зураб утром все продал, а у других...

– Так нех... не надо было вообще брать!

Дети смотрели на отца не шелохнувшись. На глазах млад-

шего стали наворачиваться слезы. Джангир встал.

– Так, дети, взяли свои тарелки и пошли на кухню...

– Почему, дядя Джаник? Мы же еще не доели! – спросила старшая девочка семи лет.

– Потому что... дождь сейчас начнется...

И он подхватил маленького мальчика в одну руку, его тарелку в другую и пошел на кухню. Девочка последовала за ним.

– Тоф, я прошу тебя, не начинай!

– Чего не начинай? Чего? В доме гости, а на столе есть нечего!

Средний мальчик тоже встал из-за стола.

– Мамочка, можно мне еще долмички? Очень вкусная...

– Конечно, сынок...

И Таня стала накладывать в тарелку сыну очередную порцию виноградных куколок. Солнце окончательно погрузилось в поселок, и сверчки радостно возвещали пришествие ночного светила. Тофик подошел к столу и налил себе из кувшина. При свете полной луны и пары свисающих ламп вино приобрело кровавый оттенок.

– Давай, отрави своего ребенка... – и он залпом опрокинул бокал, так что немного вина вытекло из уголков рта и потекло по подбородку, окропив белую футболку.

И тут моя мама, которая все это время молча держала меня за руку под столом, заговорила.

– Тофик, не стоило при детях! Тем более, что долма дей-

ствительно вкусная! И мы с Танюшей старались, чтобы было хорошо!

Мама говорила как всегда тихо, но с такой интонацией, что люди вытягивались по стойке смирно. Все-таки начальник отдела кадров, вот уже десять лет. Тофик пошатнулся и сел. Он положил правую руку себе на голову, несколько раз провел по волосам. Потом посмотрел по сторонам, как будто не мог найти своей шляпы, и... улыбнулся.

– Да? Вкусная? Хм... Может, мне такой кусок попался. Ну, ничего, Марыся его уже сожрала. А давайте потанцуем, а? Танюша, жена моя! Потанцуем?

– Сейчас дети докупают, и надо будет их искупать и укладывать.

Таня взяла за руку сына и увела на кухню. Напоследок с благодарностью посмотрев на мою маму. Тофик налил себе еще бокал кровавого напитка.

– Аллочка, может, мы спляшем? А? Чего все разошлись куда-то? Такой вечер...

– Спасибо! Мы – спать! Я устала! Сережа, думаю, тоже! Там внизу постель есть?

Хозяин как-то совсем погрузился. Голова его упала на грудь. Он теребил рукой подбородок.

– Я сейчас принесу белье! – и он попытался встать.

– Не надо! Я сама возьму у Тани. А ты иди отдыхать! День такой был... Жаркий!

– Да, щаз! Спать!.. Ага! В бассейн пойду! Боцман, ты

со мной?

Я посмотрел на мать. Наши взгляды встретились.

– Сходи, сынок, освежись! Спать легче будет. А я пока кровать внизу приготовлю.

Тофик встал из-за стола и пошел к лестнице, что спускалась с веранды в сад. Я ждал его у перил. Мама двинулась в сторону комнатной двери. И тут их пути пересеклись. Внезапно Тофик схватил маму за запястье. Мама остановилась. Он был невысокого роста, чуть выше моей мамы.

– А ты в бассейн не пойдешь? – произнес он, отчеканивая каждое слово, глядя на маму исподлобья, как будто собирался упереться в нее головой.

Мама медленно высвободила руку, оглянулась на меня, подмигнула, потом посмотрела в глаза соседа, и он сделал шаг назад.

– Ну, тогда мы с боцманом одни поплаваем. Больше места будет.

И Тофик, сев на перила, съехал вниз. В лунном свете было видно, как он подбежал к гладкому зеркалу водоема, в котором отражались звезды, снял с себя одежду, залез на бордюр и, раскинув руки в стороны, спиной упал в небо, разбросав звезды по всему саду. Он плавал, громко фыркая от удовольствия и раскидывая бриллианты воды далеко вокруг. Я, пройдя через лабиринт виноградника, подошел к бассейну. Капельки воды звонко колотили по листьям, заставляя их шуршать и блестеть под луной.

– Ну, наконец-то ты дошел! Заблудился, что ли?

Я разделся и залез в воду. Если достать пятками до дна, то вода накрывала с головой. От прохладной свежести мурашки счастья побежали по телу. Захотелось крикнуть звездам: «Эй, вы там, на небе! Я вас вижу!» Но было неловко проявлять свои эмоции в присутствии пьяного мужчины, который резвился радом как младенец. Вот если бы я был один...

Сплавав несколько раз туда-обратно, я полез из бассейна.

– Ты чего? Всё, что ли? Эх, ты... А еще боцман.

– Я спать пойду...

– Давай! А я еще тут поныряю... Я, кстати, собираюсь с утра бычков ловить на море. Рыба такая. Пойдешь? Только я рано пойду. Часа в четыре. Слабо? Без мамы?

Это был вызов! Ну и что? А почему бы и нет?

– Пойду!

– Ну, посмотрим! Я тебя разбуджу!

Он залез на край, подпрыгнул с криком «Эх, ма..», сгруппировался и бомбочкой упал в воду.

Так здорово было шлепать мокрыми босыми ногами по прохладным шершавым плитам. Марыська испугала меня, напав из темноты, а потом, прося прощения, стала тереться о мои ноги, урча и слизывая влагу с лодыжек. В доме было уже темно и сонно. Я спустился вниз, погрузившись в нирвану. Слева, как и днем, звучала тихая музыка, и через щели по краям занавески, закрывающей вход, пробивался свет свечей. Я повернул направо. «Надо сначала наощупь

спуститься в комнату, чтобы иметь возможность зажечь лампу. Тупость в сочетании со скользким мраморным полом!» И только я об этом подумал, как мои ноги с последней ступеньки стартанули от меня вперед так, будто трение в природе вообще отключили. Я, цепляясь за шершавые бетонные стены, видел свои ступни уже прямо перед собой. А голова моя, набирая скорость, неслась напрямик в мраморную лестницу... Но тут чьи-то руки подхватили меня за плечи, остановив вращение моего тела, и я шлепнулся задницей на холодный скользкий пол. Излишки веса смягчили приземление. Но было крайне неприятно. Сигнал, посланный пятой точкой, дошел до мозга и пришло осознание последствий такого кульбита. Это же было сальто-мортале, как сказал бы Э. КАРУЗО.

Джангир! Он спас меня. Этот флегматичный хиппи, человек мира, со своей вечно отстраненной улыбкой, оказался в нужное время в нужном месте. Присев рядом на ступеньку, спросил:

– Ты как?

– Попа болит!

– Голове легче! – и он тихонько засмеялся. – Слышу, кто-то зашел. Дай, думаю, посмотрю... И вижу, как ты лежишь, руками машешь, а голова перевешивает. Решил подстраховать!.. Ты же не против?

– Джангир, вы спасли меня!..

– Да? А я думал, ты всегда так делаешь!.. – и он опять

засмеялся. – Тут босиком нельзя, брат! Очень коварный пол. Особенно если мокро. Какой-то сверх скользкий мрамор. Я сам всегда во вьетнамках хожу.

И он продемонстрировал мне резиновые зеленые сланцы с розовыми перепонками.

– Посиди пока, не вставай без меня. А то опять улетишь. Где-то валялись старые...

Я на попе подполз к выключателю и включил свет. Вернулся Джаник. Протянул мне резиновую обувь.

– Держи! Они, может, и старые, но не скользкие. И свет лучше не включать. Всякая мошकारа и жуки в гости придут. Потом не выгонишь. Вставай! Сейчас пару свечек принесу.

В безопасных сланцах я дошел до кровати, заботливо приготовленной моей мамой. Вернулся брат-хиппи.

– Держи свечи и спички. Ты за бычками пойдешь?

– Ага... А ты?

– Э, нет! Я спать! Этот спорт не для меня. Спокойной ночи!

– Спокойной... Спасибо!

Он улыбнулся и ушел, выключив лампочку. Музыка в его комнате затихла. В лунном свете с тумбы на меня смотрели два музыкальных проигрывателя разных эпох. На ладан дышащий новый магнитофон и бодренький старый пончифончик. Я разглядывал их и думал: «Интересно, они общаются друг с другом? Наверно, нет... Переводчик нужен. Хотя, может быть, нотами... Но они же играют разную музыку...

Шарп может Аллу Пугачеву воспроизвести, а патефон – чего-нибудь японское...»

Понятное дело, что это был сонный бред. В ушах звенела тишина... Ко мне подошел Э. КАРУЗО и стал трясти за плечо.

– Подъем! Встаем! На рыбалку пора!

Я открыл глаза. Надо мной стоял Тофик с брезентовым рюкзаком на плече.

– Ну ты и соня! Не замерз? Тут по ночам холодно!

– Не замерз...

– Собирайся! Там позавтракаем. Я с собой взял.

И он вышел. Я осмотрелся вокруг: «Куда же делся Э. КАРУЗО? Тьфу, черт! Надо вставать!» Сел в кровати и, тряхнув головой, попытался сбросить сон... Но он плотно сидел во мне и никак не хотел покидать своего нагретого пристанища.

– Ну, где ты там? Вся рыба разбежится! – Тофик заглянул в окно.

– Иду!

«Проснусь по дороге, не впервой!» – решил я и, одевшись на автопилоте... не забыв про резиновые сланцы, вышел на улицу. Солнце уже начало карабкаться на забор, вылезая из своей ночной засады. Тофик пускал кольца дыма в его сторону.

– Сегодня будет еще жарче, чем вчера. Вон какое ядреное солнышко... Готов?

Я кивнул.

– Пошли!

Проходя мимо бассейна, Тофик, зачерпнув горстями воду, плеснул в меня. Влага, ударив ночной прохладой в лицо, сбила дыхание, но при этом встряхнула все мои чувства. Организм начала понемногу просыпаться. Солнце мягкой ладонью коснулось правой щеки. Свежий запах виноградной ливы проник в легкие. Предметы начали обретать четкие очертания. Ступни во вьетнамках почувствовали влагу желтого песка. Дрожь пробежала по всему телу. «Все системы в норме и готовы к рыбалке!» – прокрипела за спиной железная дверь.

Мы шли вдоль лабиринта заборов, которые тянулись бесконечной Китайской стеной по обеим сторонам. Изредка встречались калитки, окна-бойницы, дразнящие белыми занавесками, и совсем редко – глухие металлические ворота. Наверно, людям было что скрывать, кроме мычащих коров и блеющих барашков. Серый асфальт хрустел песком под сланцами, и с каждым поворотом песка становилось все больше и больше. Меня не покидало ощущение, что чего-то не хватает. Тофик шел впереди, окуривая меня едким дымом «кэмел» без фильтра. На плече только рюкзак... и тут я понял!

– Мы удочки забыли!

– Удочки? Зачем нам удочки?

– Как же? А рыба? Как ловить?

– Ударился вчера что ли? Я закидушки взял. Четыре штуки.

– Закидушки???

Это была моя первая рыбалка в жизни.

Каменные стены плавно превратились в деревянные заборы, а асфальт превратился в песок. Идти стало тяжелее. Ноги проваливались в зыбкую кашу. Заборы потеряли ровный строй и стояли покосившимся частоколом. И вот, сделав ещё один поворот, мы увидели море!.. Да, собственно, чего такого то? Море как море! Оно и в Африке море. Потянуло преющими морскими водорослями и мелкой рыбкой, выброшенными ночным прибоем. Чайки толпами расхаживали по дикому пляжу. Такие толстые и наглые. Казалось, что они вообще разучились летать. Красное колесо солнца катилось по краю голубой глади, отражаясь чешуйками от мутной воды. А вы думали, я вам расскажу про прозрачное, как слеза ребенка, море, которое плещется, лаская ноги, и уносит с собою забытые вами следы? Может, где-то и есть, но точно не здесь. Надо очень постараться, чтобы найти чистый пляж. Нефтяные пятна, тина, морские водоросли, взбаламученный песок, ну, и всякой дохлой рыбешки по мелочи. Вот такое тут бывает после прибоев, приливов и штормов. А вон птичий базар. Не в том смысле, что их продают, а в том, что их тут беспорядочная толпа. Чайки, бакланы, гагары, вороны, воробьи и даже, кто бы мог подумать, голуби. Все собрались на этот пир горой и дербанят тушу тюленя со вспоро-

тым винтом корабля брюхом. Меня стало подташнивать.

– Ничего, боцман, я знаю тут одно место, там всегда чисто.

Тофик поднял с земли палку и метнул в толпу наглых птиц. Только несколько воробьев лениво перелетело на другое место. Остальные даже не обратили внимания.

Минут через двадцать показалась каменная коса, уходящая в море.

– Нам туда!

Ну, наконец-то, конец маршрута! А то, честно говоря, я уже подустал месить песок. Невысокая скала была изъедена морем и временем. Лунки округлой формы с острыми краями, заполненные водой, переливались на солнце, и в каждой кипела своя жизнь. Волны наполняли эти вольеры крошечными питомцами, которые обретали здесь свое пристанище до следующего шторма или жили до тех пор, пока нещадное солнце не выпьет всю воду из этого маленького озерца.

– Чего ты там застрял? Скоро шесть, а мы еще ни одной рыбёхи не поймали. Скалы что ли не видел? Давай руку!

Тофик уже залез наверх.

– Только смотри, осторожно! Края очень острые, можно нехило порезаться.

И он показал мне рубец от шрама на голени сантиметров в семь длиной.

– Волна сбила с такой вот скалы, когда пацаном был.

Взобравшись наверх, я удивился причудам природы. Скальный массив формой напоминал лавровый венок, дву-

мя концами уходящий в море метров на пятьдесят. Эта бухта возвышалась над пляжем и водой на два человеческих роста. Вот тут вода действительно сверкала, как слеза ребенка. Прозрачная и непорочная. Мелкая рыбешка большими стаями безмятежно переплывала с места на место. Просто так, без всякой на то причины. Тут не надо было бороться за свою жизнь, спасаясь от стихии. Тут мелкий песок сиял чистотой. Вся грязь оставалась за пределами этого эдема. Снаружи волны бились о камень. Они тоже рвались сюда. Отдохнуть и погреться на солнышке. Но хаосу путь был заказан! Тут была идиллия спокойствия и тишины. Мы прыгнули внутрь. Сразу захотелось лечь на песок и уснуть.

– Так! Вот тебе целлофановый пакет. Сделай снизу маленьких дырок, чтобы вода уходила, и пойдем ловить креветок для наживки.

Мечты о лежании и загорании на песке разбились о рыбалку, как волны о скалы. Я зубами прокомпостировал пакет в нескольких местах и пошел следом за дядей Тофиком к левой косе. Мелкая рыбешка, поблескивая на солнце, разлеталась в разные стороны от ног, поднимающих со дна песок при каждом шаге. Солнце начинало припекать. Мы подошли к скале. Здесь вода доходила до пояса.

– Теперь смотри. Берешь пакет с двух сторон и подныриваешь руками под скалу. Прямо под самый низ. Там будет такое углубление. Песок водой вымывается. Ведешь пакет, как сачком, вдоль пару метров и достаешь, не переворачи-

вая. Понятно?

– Ну... в общем... да...

– Показываю!

Он, взяв пакет за края, присел на корточки и завел руки под скалу. Держа голову над водой, прошел немного в сторону открытого моря, остановился и шагнул от скалы.

– Иди сюда! Смотри!

Я подошел поближе, и в этот момент из-под воды показался целлофановый пакет, доверху заполненный мелкими, салатово-прозрачными креветками. Как так? Одним разом тыща-миллион-до-неба! Они шевелились, подпрыгивали и ползали друг по другу. Тофик достал из плавок магазинную сумку из ткани с ручками и протянул мне.

– Держи, боцман!

Густой кисель с усиками, ножками и маленькими черными глазками переместился в сумку. Килограмм, а может, и больше.

– Теперь давай ты!

Мне стало как-то не по себе. А вдруг там есть кто-то еще, и он меня укусит...

– Не бойсь, они не кусаются... – прочел мои мысли.

Набравшись духу, двинулся навстречу опасностям. Вода накрыла меня с головой, когда я подсел под скалу.

– Отойди левее. Там не так глубоко.

Несколько шагов в бок. В сущности же ничего страшного. Это же просто креветки. Мелкие рачки... Тут вода по гор-

ло. Теплая и соленая. Плещется и попадает брызгами в рот. Руки глубже... И тут я почувствовал там, в глубине, что-то скользкое, шевелящееся и плотное, как обойный клей. Да, я помогал своим родителям клеить обои и знаю, что это такое... Но оно еще и покалывало и было живое! Мне стало страшновато, и я резко встал.

– Чего ты? Испугался что ли? Давай, давай, а то ловить не на что будет!

Заход номер три! Подсел. Пару шагов в сторону... Я чувствовал, как пакет в руках тяжелеет. Стоп. Шаг от скалы и медленно встаем. Мой первый в жизни улов. Восторг охотника за креветками охватил меня с ног до головы. Целый пакет счастья отправился в сумку.

– А можно еще?

Я был окрылен своей первой рыболовной удачей.

– Да конечно! Хоть все скалы облазь!

И я пошел лазать. Заход. Еще один. И еще. Даже вспотел. Если это можно, находясь по горло в воде. Сумка была наполнена доверху!

– Все! Хватает! Теперь на скалу.

Мне уже ничего не было страшно. Я был счастливым победителем и Укротителем Креветок. Забрав рюкзак и вооружившись сумкой с наживкой, мы залезли на гребень скалы и направились в сторону моря. Идти было неудобно и больно ступням. Эти симпатичные на вид лунки обладали острыми краями, а от воды становились еще и скользкими.

– А нам далеко?

– До самого конца. Тут ловить нечего.

Море запрыгивало на скалу волнами, пытаясь схватить нас за ноги. Но только разбивалось на солнечные осколки, соленые на вкус. Они осыпали наши тела и тут же превращались в пятнышки соли. Солнце уже испытывало сильную жажду. А ведь было всего-то около семи часов утра.

У окончания каменной косы ветер был злее и море суровее. Тофик извлёк из рюкзака загадочные для меня предметы. Поймав мой вопросительный взгляд, протянул плоскую дощечку размером в локоть с намотанной на ней леской.

– За-ки-ду-шка! – произнес он, разделяя каждый слог, как для умственно отсталого. – Это и есть закидушка, боцман. Мама тебе такого не показывала? Будешь знать. Смотри! Вынимаем грузик из-под лески и осторожно начинаем раскручивать. Крючков десять штук. Запомни. Не досчитаешься – и порежешь себе ладонь. Де-сять!

Я начал разматывать закидушку. Когда грузик лег на камень, ветер схватил леску зубами и стал ее трепать, сбивая со счета. Первый крючок, второй, третий... крючки росли на коротких усиках... пятый, шестой, седьмой... огромная волна почти допрыгнула до нас... Ух!

– К вечеру шторм будет!

«Барометром прикидывается» – подумал я, продолжая считать: «Девятый, десятый».

– Всё!.. Ай!

Подлый крючок, которого я не досчитался, впился мне в ладонь.

– Я же предупреждал! Эх ты, рыбак! Ничего, не наколешься – не поймаешь! Дай руку.

Он внимательно осмотрел мой первый трофей, моя собственная рука.

– Даааа! Глыбако! Глаза закрой и терпи! Будет больно... о, смотри! Морж!

Я повернулся в направлении его взгляда... и ощутил острую боль в ладони. Никакого моржа не было. Зато была рана на ладони. И крючок с маленьким рубином на острие.

– Прополощи руку в лунке.

Прозрачная вода стала розового цвета. «И превратил сколько-то там кувшинов воды в вино». Всплыло в моем сознании, но из какого фильма, я вспомнить не мог.

– Будем ловить рыбу или побежим к мамочке?

– Будем рыбу ловить!

Огромная волна накрыла скалу и перевалилась в тихую гавань.

– Ого! Скоро тут опасно будет находиться!

– Будем ловить!

Мне нужно было доказать всем, что я не трус. И зря я кровь свою пролил, что ли?

– А ты упертый, боцман!..

Я не мог вернуться на дачу с пустыми руками. Я кусал губу. Ноги мои подкашивались. Мне хотелось звать маму. Но я

должен был поймать хотя бы одного бычка. Пусть самого малюсенького. Но сам!

– Так! Насаживаем наживку.

Он достал из сумки маленького рачка и насадил на крючок его крохотную головку. Живодёр!

– Теперь сам!

Креветка. Крючок. Подкатил ком к горлу. Хорошо, что я не позавтракал. Хрусть! И из салатowego тельца, которое все ещё трепыхалось, показалось острое жало крючка. И сразу стало как-то лучше. Приступ тошноты отступил. Второй рачок. Хрусть! Хрусть! Хрусть. И так десять раз.

– Ну вот, а ты боялся! Молоток, пухлик.

Называйте меня, как хотите. Главное, что у меня это получилось! – крутилось в голове и создавало невидимую броню.

– Закидушку под ногу, правой рукой за леску выше десятого крючка... если просчитаешься, сам знаешь теперь, но будет еще больнее... вот так крутанул пару раз и бросил. Ладонь кольцом держи. Пусть леска бежит через него, чтобы не потерялась. Ляжет грузило на дно, подтяни чуток и не отпускай. Как начнет дергаться, значит, клюет, резко подсекаешь и вытягиваешь! Вот и вся премудрость! Давай, пионер, вперед, труба зовет! Солнце скоро нас погонит отсюда.

И он запел песню «Бони Эм»: «Санииии естердэй май лайф воз филд виз рейн, Саннииии...»

– Да! И ещё, докинуть надо до воон той темной полосы в море. Видишь?

Там, где он показывал, метрах в двадцати от нас, через бирюзово-мутное море просвечивала темно-зеленая дорожка метров пять шириной. И тянулась она направо и налево, куда хватало взгляда. Волны эту полосу пробегали, вспениваясь белыми кудряшками и, соскакивая с нее, неслись дальше лёгким волнением. А у берега уже вырастали в полный рост и падали от усталости на песок, взбиваясь в пену.

– А что там?

– Там скала. А за ней – вообще обрыв. Я как-то решил нырнуть. Метров на пять погрузился, а дальше не рискнул. Темно, холодно и дна не видно. Акваланг нужен. А на самой скале и под ней, с этой стороны, бычки-то как раз и обитают. Так что, давай, рыбак! Рыбачь!

Я взялся за леску выше крючков. Качнул назад. Вперед. Оборот! Ещё один! Струна со свистом резала воздух. И бросок! Ладонь кольцом. Леска скользила по пальцам, слегка вибрируя. Гайка устремилась вперёд и, не долетев до темной линии, шлепнулась в воду.

– Нормально! Для первого раза сойдёт. Метров на пятнадцать кинул. Натяни чуток! И теперь ждать...

И только он отвернулся, как леска резко дернулась... показалось?... Я посмотрел на Тофика. Дернулась ещё раз. Он курил, глядя на свою болтающуюся на ветру снасть. «Сани, естердей май лайф...» Опять дернуло...

– Тофик... – позвал я осторожно.

– Какого хрена ты ждёшь! – закричал он. – Подсекай!

– Как, я не зна...

– Ебстудэй, боцман...

Тофик схватил леску вместе с моей рукой и дёрнул.

– Тащи теперь!

Я стал тянуть. Мокрая леска выскользнула, сопротивлялась, кто то упорно тащил ее назад... Но тут из воды появился первый усик с крючком, и на нем трепыхалась рыбка. Меня как будто кто-то подстегнул, и я бешено заработал руками. Скоро перед моими ногами подпрыгивали на скале, как в цирке, семь лобастых, размером с ладонь, рыбешек.

– Вот они! Бычки. Дуракам везет. А дёрнул бы сразу, все десять остались бы на крючках. Видишь, три пустые. Накормил гадов задарма. Но для первого раза хорошо! Так держать, боцман!

Во мне проснулся какой-то животный инстинкт охотника. Я тут же насадил новых креветок... десять крючков... свист лески... полёт. Бултых. Ждать не пришлось. Не успела леска остановиться, как ее потащило в сторону.

– Подсекай! – орал Тофик.

Я подсекал и тащил. Тащил и подсекал. Креветки. Крючки. Бросок. Клёв. Подсек. Крючки. Креветки. Броски. Адреналин бурлил в крови. Это была бешеная работа. Без продыху. Кисти рук размокли, покрылись мелкими складками, и на пальцах появились порезы от лески. Ещё рыбы! Ещё! Креветки. Крючки. Рачки и ветки... Ветки? Крачки. Каретки... В голове карусель! Влага застилает глаза. Солнце печет

нещадно. На губах соль. Это пот, или море, или все вместе. Свист – два круга. Бросок... и рука полетела следом. Адская боль пробила ладонь. Десятый, непосчитанный крючок пробороздил ладонь и застрял в большом пальце.

– Мать моя женщина...

Тофик без всяких там моржей и предисловий выдернул ржавую закорючку из моего пальца, схватил мою майку и намотал на рану. Майка сменила цвет на грязно-красный.

– Я хочу домой... – стонал я. – Не хочу больше рыбалки.

– Да какая же теперь рыбалка. Да и время уже. Пока пойдем, будет полдень. Вообще спечемся! Нормально рыбы наловили. Вашей Марысе тоже хватит.

Говоря это, Тофик скручивал снасти, а я сидел, и волны одна за другой осыпали меня холодными искрами. Шторм нарастал. Возвращение по мокрой скале не предвещало ничего хорошего. Волны переваливались через косу, и шанс разбиться был очень высок. Мы так были ослеплены азартом охоты, что не заметили, каким враждебным стал мир вокруг нас. Он утратил свою идиллию. Мне стало страшно. И я заревел.

– Как же мы назад пойдем? Мамочка...

Оглядевшись кругом и что-то прикинув в уме, Тофик спросил:

– Ты плавать умеешь?

– Да... – заикался я в слезах.

– Сейчас подходим к краю скалы. Ты отталкиваешься но-

гами, как можешь, а я тебе руками помогу. Там дно чистое. Главное, о скалу не зацепись! Готов?

Я подошёл к краю как можно ближе. Тофик со спины взял меня под мышки.

– Присядь! На счёт три! Раз! Два! Три!

И я полетел.

– Мамааааа....

Бух! Вода захлопнулась у меня над головой. И настала тишина. Ласковое солнце улыбалось через толщу тихой бухты. Стало спокойно и уютно. Я не стал сопротивляться и медленно пошел ко дну. Теплая невесомость охватила мое тело. Мягкий песок коснулся моих ног. Так быстро? Всего-то метра три глубина. Оттолкнувшись, я полетел к небу. Задрал голову вверх, через переливающуюся призму воды я увидел Тофика, который стоял на краю каменной косы и смешно размахивал руками. Сквозь перину моря доносились какие-то невнятные звуки. Наверно, он кричал. Выплыв на поверхность, я услышал обрывок фразы:

– ... дебилские шутки.

– Что?

– Я думал, что ты тонешь. Напугал меня!

И как был, с рюкзаком на плечах, он сиганул в воду.

На берегу собрали свои вещи и двинулись в обратный путь.

– Как рука?

– Уже не болит... Щиплет только!

– Это хорошо! Соль и йод в одном флаконе... А спина у тебя, боцман, красная, как у вареного рака! Спать сегодня будешь на животе. Мацони тебя намажем.

Берег шел вверх и стена, через которую нам предстояло перелезть, была чуть выше меня. Совершенно сухая и покрытая старыми, выжженными солнцем до седины водорослями.

Дядя Тофик залез на камень и тут же лег, словно прячась от выстрела.

– Вот это да... – произнес он.

– Чего там?

– Боцман, тут такое... Залезай, только осторожно. Чтобы не спугнуть...

В нескольких метрах от нас, спрятавшись от ветра под стеной, совершенно безмятежно, на покрывалах, загорали четыре женских особы. И, как вы, наверно, поняли, совершенно голые. Из одежды на них были только соломенные шляпы, прикрывающие их лица от солнца. Тела были разной степени прожарки без следов от купальника. Я не мог оторвать глаз. После дочерей Кацман, это был второй раз в моей жизни, когда я наяву видел обнаженных девушек.

– Тут по берегу минут сорок идти до дома отдыха.

Тофик махнул рукой в противоположную сторону от поселка.

– Туда из-за границы часто приезжают. Я там джинсу и пластинки у них покупаю. И эти, наверно, интуристки. А та

блондинка вообще шедевральная...

Как он понял, кто из них блондинка, ведь головы у них прикрыты шляпами? Я стал всматриваться, чтобы понять, и тут меня захлестнула волна ощущений, знакомых по моим снам... Реакция молодого организма была вполне предсказуема. Попытки как-то скрыть юношескую эрекцию не ускользнули от глаз соседа.

– Ах, ты ж, маленький маньяк...

– Я ничего... я не знаю, как это... я... оно само... – заикаясь, стал оправдываться я.

А Тофик засмеялся, встал во весь рост и, крикнув «Хелло, Долли», спрыгнул со скалы и пошел в их сторону, как ни в чем не бывало. Они всполошились, стали прикрываться полотенцами, что-то щебетали на иностранном языке. А он остановился рядом с ними, повернулся ко мне:

– Эй, боцман, ну, где ты там?

Потом сделал вид, что вдруг увидел их и стал извиняться. Меня это подзадорило, и я тоже спрыгнул со скалы. Увидев меня, девушки закудахтали еще больше. Я извинился, и мы пошли на дачу.

А та, что кричала: «Плёхо... Дуряк!» – и правда была блондинка.

Обратная дорога была, конечно, веселее. Адреналин, Возбуждение, Передозировка впечатлений. Все это притупляло чувство усталости. И меня беспокоил один вопрос.

– Дядя Тофик, а как вы поняли, что одна из них блондин-

ка...

– Подрастешь – узнаешь! Маленький еще...

Что еще я мог услышать в ответ на свой детский вопрос?

– Ты бы майку снял с руки и на спину накинул. А то она у тебя уже волдырями пошла. Мамаша твоя меня прибьет...

Я размотал майку, которая уже взялась коркой, расправил ее, как мог, и приладил на плечи. Конечно, было уже поздно прикрывать спину, но и на руке от нее толку не было. Через всю правую ладонь пролегла глубокая царапина, перечеркнувшая линии сердца, ума, и линию жизни, одним махом.

– Санни, естердай май лайф воз филд виз рейн...

Было половина первого, когда мы зашли во двор. Попав в тень, увидев маму в огурцовых зарослях, малышней в бассейне и тетю Таню на веранде, я как-то сразу устал, проголодался (мы ведь так и не съели обещанных бутербродов) и захотел пить. Тут же заболела голова, ладонь и спина. Мама помахала мне огурцом.

– Как дела? Мы вас уже потеряли!

И вдруг, заметив мою окровавленную майку, всплеснула руками:

– О, боже! Что случилось? – направилась ко мне.

– Мама, все в порядке! Не волнуйся!

Тофик, который остановился у бассейна и плескал водой на детей, обернулся к нам.

– Вы его кефиром намажьте. А то там ожог на спине тридцать восьмой степени!

И, засмеявшись, пошел к веранде. В этот момент Марыся, которая дремала в тени, услышала мой голос, потянулась и пошла навстречу, но оказалась на пути у хозяина дачи. А он недолго думая схватил ее и с криком: «Дети, ловите!» – отправил баскетбольным броском в бассейн. Кошка, пронзительным визгом разрезав воздух, шлёпнулась в воду. Дети с криками кинулись врассыпную. Мокрая Марысяна голова появилась на поверхности и поплыла к ближайшему бортику. Во мне произошло короткое замыкание. Цветные круги поплыли перед глазами. А может, это был солнечный удар? Но это было не важно.

– Как вы смеете? Бедное животное!

Тофик, опешив, смотрел на меня, ничего не понимая. Кошка доплыла до бортика и пыталась вскарабкаться на него, но было высоко, и она жалобно мяукала. Картинка из детства. Меня трясло, и в ушах застрял шум моря с завыванием ветра.

– Кто дал вам право распоряжаться чужой жизнью! Так нельзя! Вы плохой! Плохой...

Это говорил не я... Я был пончикфоном для пластинки, записанной в детстве.

– Никогда, слышите, никогда так не делайте!

Внезапно из подвала заорала группа «Бонни Эм». Они тоже подняли бунт. Я вытащил кошку и прижал к груди. Орала дети, орала кошка, орала музыка, орал я.

– Она же живая! Она плачет!!!

Тофик стоял под перекрёстным обстрелом вопрошающих глаз. На веранде стояла Таня и смотрела на него, рядом со мной стояла мама и смотрела на него, Джангир под балконом смотрел на него... Он глянулся вокруг.

– Алла, угомони своё чадо!

И это я уже слышал.

– А ну, дети, марш домой!

Дети вылезли из бассейна и побежали на веранду к матери. Таня увела их внутрь.

– Джаник, заткни вконец этот магнитофон...

И брат-хиппи тоже ушел.

– Что ты хочешь сказать, пацан? Я не понял!

Мама прижимала меня к себе, я прижимал кошку. Наши сердца бешено колотились.

– Так в чем я не прав, мальчик? В том, что я сегодня спас твою задницу? А?

Мама, тихонько сделав шаг вперед, прикрыла меня собой.

– Он ребёнок! Пойми это, Тофик!

– Ребёнок? Видела бы ты сегодня этого ребенка и то что у него в плавках! Как он на баб смотрел...

Музыка резко смолкла. Дачу накрыло колпаком тишины. Было слышно, как журчит вода из поливочного шланга.

– Ребёнок... Я в его возрасте отцу на работе помогал. Нашли ребёнка. Цацкаетесь с ним... Ладно, проехали. Таня, обедать будем?

И он пошел в дом, швырнув рюкзак с рыбой далеко в сад.

– Пусть подавится ваша кошка...

Мама присела передо мной на корточки.

– Мама, давай Марысю высушим?

– Положи ее на солнце, она сама обсохнет. Давай лучше рану твою обработаем и спину кефиром намажем.

Марыся и правда уже успокоилась. И как только я поднес ее к земле, она тут же сиганула вглубь сада. За рыбой. Мы пошли к дому. На встречу из-за угла вышел Джаник.

– Странный магнитофон. Включается сам по себе. Кстати, ты слушал группу «Queen»?

– Нет!

– Идём! У меня есть кассета. Тебе должно понравиться.

Мама подтолкнула меня вперед.

– Идите. А я сейчас найду аптечку и чем тебя намазать и приду.

В подвале было прохладно, хотя полуденное солнце и сюда добралось, разогрев пяточок мрамора на полу. А ещё было слышно, как где-то в доме дядя Тофик ругается с тетей Таней. Чего-то там про еду и про то, что она не умеет готовить и как он травится с тех пор, как с ней живёт... и все в таком роде. Но Джаник включил кассету, и настало время «Queen»... Эта музыка заполнила каждый атом пространства и заставила дышать все предметы в такт с голосом Фредди Меркьюри. Звучала песня «Мама...», когда в дверях появилась моя мамочка с аптечкой и кефиром.

– О! Я, кажется, под музыку.

– Мам, тут все под музыку, только осторожно, пол очень скользкий!

Джаник подал маме руку и проводил до кровати.

– Чего они там?

Мама достала перекус.

– Не прислушивалась. Из-за пельменей вроде...

– А! Дюшбара! Это его любимые. Какая его муха укусила?

Вы сколько ещё тут пробудете?

– Вообще на неделю хотели... но теперь не знаю. Как сын скажет.

Мама посмотрела на меня. Я пожал плечами. И лег на живот, подставив спину под кефир. Джангир направился к себе в комнату.

– А я пойду собираться. Сейчас поеду в город. Надо к эк-замену готовиться.

Я удивился.

– А ты учишься? Где?

– В Институте нефти и химии. Кассету оставлю. Потом отдашь. Не забудь магнитофон из сети выдергивать! А то как заорёт!

И Джаник ушёл. «Донт стап ми нау...» запел Фредди, и мама, налив мне на спину холодной жирной жидкости, стала растирать ее, рисуя круги ладонями.

Я проснулся от того, что Марыся своим шершавым языком слизывала с меня воспоминания о кефире, ставшие чем-то наподобие солёного творожка. В комнате было темно и ти-

хо. Вечер опустил розовую занавеску на окно. Кассета группы «Queen» не домоталась до конца, значит, мама выключила её, когда я уснул. И даже выдернула магнитофонный шнур из сети. В комнате Джангира было пусто. Уехал! Я вышел на улицу и повернул за угол, кошка следовала за мной, теперь она меня любила еще больше. Она на мне не один пуд соли съела! С веранды доносились голоса. Ужин был в разгаре. Я поднялся по лестнице и сразу же получил в лоб приветствие от хозяина.

– О! Наш сонный красавец-рыбак проснулся. Как раз вовремя! Танюшка такие дюшбара приготовила. С тарелкой съесть можно!

За столом сидели все: мама, тётя Таня, дети и сам хозяин в хорошем расположении духа.

– Я тут анекдот вспомнил! Идёт урок музыки. Учительница говорит: «Дети, назовите слово, которое состоит из ноты и части тела». Встает один ученик: «Ми-нога!» Учительница ему отвечает: «Нет! Си-рожа! Садись, двойка!» Вот иди, давай, садись! Накладывай себе пельмени!

Дюшбара была отменная. В ложке помещалось тринадцать пельмешек. Такие маленькие-маленькие! Когда тётя Таня успела их налепить?

Застолье плавно перешло в чаепитие. Только Тофик вместо чая пил вино. И доканчивал уже второй кувшин. Дети играли с кошкой на веранде. Из соседнего двора ветер подавал на вечернем подносе запах шашлыка и музыку. Тофик пере-

водил свой мутный глаз то на Таню, то на маму, то на детей, то на меня. Казалось, что он пытается понять, кто есть кто. И что вообще все эти люди делают в его доме. И внезапно выпалил:

– А пухлячок-то наш сегодня вон что устроил. Смельчак! Таня положила свою руку мужу на ладонь.

– Дорогой, не начинай!

– А чего не начинай! Я и не заканчивал! Иди вон, детей укладывай спать.

Татьяна, чтобы не накалять обстановку, собрала малышей и увела в дом. У соседней запела Алла Пугачева трагическую историю про арлекина. Тофик встал на вялых ногах и, крикнув звёздам «Асса!», изобразил что-то вроде лезгинки. Потом подошёл к моей маме.

– Ал-лочка, я прил-гаш-лаю вас на белллыый танец!

– Тофик, какой танец, ты на ногах еле стоишь!

– Кто еле стоишь? Я? Ща я те покажу...

И он полез на перила веранды... Но мама не дала ему завершить эту пьяную глупость. В тот самый момент, когда он уже собирался занести ногу на ограждение, мама схватила его за руку и резко дернула на себя. Они упали вместе, почти обнявшись. Я так от злости сжал зубы, что боль выстрелила мне в висок. Мама встала первой. Тофик ещё какое-то время лежал, распластавшись на полу веранды. Потом медленно сел, прижавшись к стене.

– Это ты меня спал-са, да? Насмешила! Ланда! Пошел я

спать!

И Тофик пополз на карачках в сторону двери... Потом замер. Поднялся, держась за стенку, как паук.

– Слышь, пацан! А чего ты не спишь? Все спят... Иди. Мне с твоей мамой поговорить нужно...

Я стоял и не собирался уходить. Меня колотила мелкая дрожь. Я даже не мог понять, от чего больше. От страха? От злости? От холода? От ненависти? От обиды? А может, это было последствие солнечного удара? Или всё вместе взятое? Мама подошла ко мне. И наклонилась, чтобы поцеловать, но успела произнести шепотом.

– Не бойся за меня!

А потом громко, выпрямившись:

– Иди! Я со стола приберу. Помогу Татьяне.

Я ощутил себя воронкой. События последних двух дней крутились калейдоскопом, ввинчиваясь в мою голову, как уравнение, которое требовало развязки, а потом... Хлоп! И все стало на свои места! Я нашел решение!

– Да, мам! Я пойду.

– Давай, боцман, баюшки пора! Все маменькины сыночки уже спят!

Эти слова я слышал уже спиной, спускаясь по лестнице. Надо было найти какую-нибудь ёмкость для воды. Детское ведёрко, оставленное в песке между виноградными рядами. Подойдёт...

На приготовления ушло не более десяти минут. Когда

всё было готово, отправился наверх. Ещё снизу, ступив на первую ступеньку, я услышал возню наверху и два перекрывающих друг друга шёпота. Мое сердце ударилось в ребра, рвануло наружу через горло и понесло вверх по лестнице... Увиденное взрывной волной отбросило меня на перила в тень от виноградника. Тофик пытался обнять мою маму, в руках у которой были тарелки. Она пыталась высвободиться из его пьяных паучих лап и при этом уговаривала оставить ее.

– Тофик, прекрати, – говорила она металлическим шепотом, – если я закричу, проснутся все...

– Да, ланда тебе... чего ты...

Он ещё сильнее прижал маму к стене, и она, бросив тарелки на пол, вlepила ему подряд две пощечины слева и справа и добавила коленом между ног. Паук, захрипев, согнулся.

– Сууука...

– Я могу добавить... – сказала мама и стала собирать осколки стекла.

В этот момент из дверей вышла уже уснувшая Татьяна.

– Чего тут у вас?

Я, собравшись с силами, вышел в свет и присел рядом с моей мамой.

– Тарелки упали.

Мама посмотрела на меня, все поняв, улыbнулась и слегка толкнула плечом. Значит ничего страшного не произошло. Тофик тоже ползал, собирая осколки разбитой дружбы. Та-

тьяна зевнула.

– А я-то уж подумала, что эта пьяная морда опять чудит!
Тофик пробормотал:

– Сама ты модра... иди, чаю мне налей.

А когда Татьяна ушла, тихо проговорил:

– Соседка, извини! Нашло чего-то...

Мама ничего не ответила. Осколки были собраны. Пол подметен.

– Мам, я вниз не пойду. Там скучно. В твоей комнате спать буду.

Хозяин пожелал нам спокойной ночи, а сам остался сторожить звёзды в гордом одиночестве.

Где-то в доме тикали старые часы. Занавески безжизненно висели на окнах, раскрытых нараспашку. Мама уснула. Соседи доели свой шашлык и, наплясавшись под ритмы советской эстрады, разошлись по кроватям. Луна смотрела мне в глаза, пытаюсь прочесть мои мысли. Я не должен был спать! Я ждал. Мне надо дождаться. В окно потянуло табачным дымом. Значит, он ещё не спит. И тут внизу грянул «Queen»! Наконец-то! Долгожданный мой Фредди Меркьюри! Что же ты так долго... «Донт стап ми нау» – надрывалось внизу уникальное горло рок-музыканта. «Дон стап ми, Донт стап ми, Донт стап ми нау».

– Эй, выключиньте это... Джаник! Ах, чтоб тебя...

Голос хозяина стал удаляться. Кроме него уgomонить Фредди было некому... В сопровождении английской груп-

пы, мат рисовал в моем воображении маршрут Тофика. Только бы он дошел... Вот он повернул за угол! Вот он вошёл в подвал...

– Чтоб тебя...

Финальная кода! И тут затихли все. И Фредди, и Тофик. Мама приподнялась на подушке.

– Что это было?

– Ничего, мамочка! Все хорошо! Это соседи...

– А ты чего не спишь?

– Сплю, мама! Уже сплю...

На следующей день в обед мы были уже у себя дома. И дружно ждали отца с работы! Я, мама и Марыся, приготовив вот такой неожиданный сюрприз с окрошкой на ужин.

Около семи дверь открылась, и вошёл папа. Марыся кинулась встречать хозяина.

– Ну, ничего себе! Вы дома? А чего так? Я на выходные к вам собирался, сейчас иду, а навстречу мне сосед на костылях и с перевязанной головой! Чего это с ним?

Мама на кухне разливала окрошку по тарелкам. Я присел на корточки и гладил Марысю, которая терлась у ног отца.

– Может, он упал?

Отец пошел мыть руки, и мы с Марысей за ним.

– Так, а чего вернулись?

– Скучно там, пап! Делать нечего.

– Так! А у тебя чего рука перевязана?

– Рыбу ловил...

С кухни раздался нежный голос мамы:

– Мужчиииины! Окрошка ждёт!

И мы пошли есть. Обыкновенную окрошку с докторской колбасой на кефире!

КАК Я НЕ СТАЛ МАТЕМАТИКОМ

Учась в театральном институте, я почему-то решил, что могу писать романы и повести.... Это я Кафки с Камю начался. Тогда модно было. «Как, ты не читал Кафки??? Как ты вообще смеешь жить под этим солнцем! Посторонний!» Ну, вот я и прочёл. И крышу-то мне и покосило! Причем, нормально так!

Сел я за стол. Положил ручку справа. Лист бумаги по центру. Слева стопку А4. И приступил... Ну, пока я шел домой, мысли взрывали мне голову. Фантазия бушевала. Я, наверно, разговаривал в голос и размахивал руками, потому что люди шарахались от меня в стороны... И вот я сижу и пишу... Как будто... Потому как писать было нечего. И всё-таки я осторожно беру ручку. И медленно подвожу к левому верхнему углу белого, ни в чем не повинного листа бумаги. Медленно, чтобы не расплескать мысль...

«Ему сделали ампутацию руки!» Вот что я написал. Ахренеть!.. Это, конечно, не все! Были еще какие-то буквы, слова, предложения и даже полные абзацы, которых я уже и не вспомню. Рукопись была утрачена в череде моих многочисленных перемещений по местам проживания. Но сюжет в голове как-то засел. Это была история о человеке без руки, который стал лидером партии «Безруких». И у него, естественно, появились поклонники и последователи, которые

тоже решили оттяпать себе руку. А потом эта партия стала правящей. И начались гонения на двуруких. И уже не осталось почти никого с двумя руками, как вдруг появилась партия... правильно – «Одноногих». «Ну, и так далее!» – хочется сказать. Вот такая хрень на постном масле. Чего творилось в голове того человека, которым был я тридцать (ни фига себе) лет назад? Макдональдс в башке.

Я учился в школе нормально. Тройка по русскому, за красивые глазки... А вообще оценка была ноль. За красными чернилами, которыми исправляют ошибки, не было видно текста. Тройка по химии... Учитель прознал, что мой дядя был химиком. Талантливым... И не мог мне простить моего наплевательского отношения к этой науке. А ещё я на его уроке, из чувства любви, стукнул впереди сидящую одноклассницу учебником химии... И как-то так «удачно», что у нее случилось сотрясение мозга. А я ее правда любил, а она шепталась с моим другом на уроке. У них, видите ли, была одна лабораторная работа на двоих. И херак, нате... Химия ударила в голову. Мне и ей... Значит, по химии – тройка. А вот математика, алгебра, геометрия, тригонометрия, чего там ещё есть, это были такие пятерки... Твёрже некуда. Количество плюсиков зашкаливало. Пять с тремя плюсами – это была стандартная оценка. У меня в голове жил отдельный мир формул и пространственных структур. Они сами решали все за меня. Я знал ответы задач, только прочитав их. Тангенсы, котангенсы, синусы, косинусы я

ел на завтрак. Найти две точки, через которые пройдет прямая в додекаэдре, расположенном в пространстве под углом в 30 градусов, было для меня детской забавой. Интегралы были мне как конфетки монпансье. Мог извлечь корень из числа без решения. Сразу ответ. Потом только записывал расчеты. Так положено было. Педагогика. Сороконожка, сороконожка, как ты ходишь?

– Вот так!

– Ты объясни!!!

– Э-э-э...

Запуталась сороконожка, упала и умерла.

Я в третьем классе заболел воспалением лёгких. Пропустил месяц занятий. Как раз проходили деление. Пока болел, сочинял стихи. Вернулся в школу. Первый урок – литература.

– Людмила Ивановна, а можно, я стихи почитаю?

– Какие?

– Мои!

Класс затих. Затаился.

– Твои? Читай.

Я начал читать. Класс начал ржать. До истерики. Урок был сорван. Забежал директор школы.

– Что у вас тут происходит? Старший класс над вами контрольную пишет, вы мешаете.

Я стоял у доски. И смотрел на моих одноклассников. Им было весело...

– Садись за парту. Ты молодец! – сказала Елена Ивановна. Она была моим первым учителем.

Второй урок – математика. Задачки на деление. А я ни в зуб ногой, ни по лбу кочергой.

– Елена Ивановна, а он в тетради каляки-маляки рисует!

Это моя соседка по парте. Схватила мою тетрадь и пустила в путешествие по классу. Класс ржал! Елена Ивановна пыталась успокоить эти джунгли маленьких, бешеных, жестоких мартышек, которые были моими однокашниками... Я бы тоже, наверно, также смеялся. Но сейчас я бегал за тетрадкой, которая перелетала от парты к парте. Влетел директор школы.

– Вы совсем тут обалдели?! Елена Ивановна... и опять Терещук? Оба ко мне в кабинет.

Меня не ругали. За что? Мне было достаточно. Я посидел в приемной директора. Вышла Елена Ивановна, дала мне записку.

– Родителям отдашь.

Вышла директор школы. Подсела ко мне. Погладила по моим волосам цвета спелой пшеницы.

– Иди домой...

В записке было написано: «Подтяните, пожалуйста, деление и попросите сына не читать стихи в классе!» Вот так.

Папа был у меня инженером и с арифмометром на «ты» (это такой компьютер по тем временам. Посмотрите в Гугле. Удивитесь.), решил подтянуть мне деление. Де-

ление он знал, а педагогика была не его конек. Он был просто папой и всё. Он нервничал, рвал тетради, кричал! Мои слезы орошали кривые ученические числа, которые никак не хотели делиться. Мама смотрела с жалостью на нас обоих... Но он никогда не говорил, что я тупой! Никогда!!! И, наверно, в этот момент в моей голове произошло замыкание и я стал видеть ответы. Нет! Я не стал ясновидящим! Просто ответы на задачи по математике проявлялись перед глазами. Стихов в классе я не читал, но устраивать, как мы говорили, ржач во время уроков – это было, как мне казалось тогда, единственное, ради чего я ходил в школу. Учеба шла в другом измерении. Параллельно. Нас в классе таких оказалось трое (артистом, правда, стал один я, ну, то есть, с дипломом) и мы принимали самое активное участие в проведении школьных мероприятий, связанных со сценой. С шоу, как бы сейчас сказали. Ржака, как называли мы. Готовя очередное выступление, я нарядился в костюм Снегурочки. Выше колен. Намного. Влез в белые лосины. В обтяжку. Напялил косу. До пояса. Ещё девчонки размалевали меня. Как бы сейчас сказали, сделали мейкап. И пошёл по коридору в зал. Навстречу мне – дружбан мой. Я прохожу мимо. Он поворачивает за мной.

– Девушка, а ты новенькая?

– ...

– А из какого класса?

– ...

– Вечером чего делаешь?

Мы-то уже были девятиклассники. Гормоны заняли в извилинах мозга все окопы и отстреливали любую здравую мысль.

– Может, в кино ходим?

И пошёл на совершенно недвусмысленный маневр. Я развернулся к нему лицом к лицу.

– Ты debil, да? Ваще ахренел, маньяк!

– Ты, что ли!

– Я! Дебил!

– Ну ты артист...

Как сглазил, сволочь.

Сурена Исааковича вы, конечно, не знаете, а он был нашим соседом по подъезду и по совместительству учителем алгебры и геометрии. Причем таким учителем, к которому очередь из желающих на репетиторство была расписана на пару лет вперёд. К нему ехали со всего Баку. А брал он не каждого. Деньги его интересовали меньше всего. Он был одержим идеей. Он готовил исключительно в МФТИ им. Баумана. Вы можете себе представить, что значит поступить в Бауманку во времена СССР? Это как сейчас на Марс слетать. Кто помнит, тот поймет, о чем я. И брал он двух учеников в год, потому что нагрузка и ответственность были очень высоки. Но он гарантировал поступление в МФТИ. И только туда. Почему? Это была месть за то, что они его не приняли.

Кончилась Великая Отечественная война. Страна залечи-

вала раны. Он, мальчик из бакинского пригорода, с южной юношеской мечтой в сердце приехал в огромный чужой холодный город под названием Москва. Сдал экзамены на «отлично», осчастливив не только себя, но и всю многочисленную бакинскую родню, а взяли на его место сына какого-то, сука, начальника. Это была его обида на всю жизнь. И он не говорил «сука», он говорил «синяя курица за рубиль двадцать». Так он называл нас, тупариков, когда мы не занимались. И ещё он говорил, отправляя своего ученика за дипломом в МФТИ: передай им привет от Сурена. Ученики уезжали и поступали. Все! И именно в Бауманку. А он жил в третьем микрорайоне города Баку, в соседнем подъезде, и преподавал в средней школе номер 14 нам, великовозрастным балбесам.

Однажды, вернувшись из школы, я застал его у нас. Они с мамой беседовали. Увидев меня, он засобирился домой.

– Вы подумайте! – на пороге сказал учитель и ушел.

– Мам, я ничего не сделал!

– Сурен Исаакович предложил готовить тебя в институт...

– МФТИ!

– Да! И сказал, что денег не возьмет.

– Вот это да!

У мамы слезы на глазах. О каком ещё счастье можно мечтать для своего дитя? Отец чуть ли не плясал от радости.

– Человеком будет!

Ну, и мне было в общем-то нормально. Математика – это

было то, что давалось мне без всякого труда и напряжения. Легко и просто. Как лёгкий Каспийский бриз. Девятый класс подходил к концу. Надвигалось жаркое лето и пора безделья. Мой друг, музыкант, играл в ансамбле и ездил на репетиции на другой конец города. Встретив меня на улице, позвал послушать их концерт в ДК им. Ильича. Мы поехали. Народу было тьма тьмушкая, от мала до велика. Родственники, родственники родственников, друзья и друзья друзей и их родственники. Это же Баку. А выступали их дети. Я был горд тем, что знаком с другом-музыкантом. Хлопал громче всех и кричал «Браво!».

Наступил антракт. Все выплеснулись из огромного зала в ещё более огромное фойе. Сталинский ампир, знаете ли. Колонны терялись в темноте потолков, с которых свисали ещё довоенные люстры. И фрески, фрески, фрески. Сикстинская капелла. В этом здании, как я потом узнал, располагался госпиталь, где выздоравливал мой раненый дед и где он познакомился с медсестричкой, которая стала моей бабушкой. Тесно жить на этом свете. Так вот, гуляю я по необъятным просторам судьбоносного здания и вижу объявление: Идёт набор в Молодежно-Эстрадный театр (МЭТ). Третий этаж, комната 78. И чего-то подумалось мне: лето длинное, делать нечего, море надоест быстро, и почему бы не поржать?

Закончился концерт, и я к другу.

– Слушай, а что это за МЭТ?

– Это театр!

– Я понял. А можно туда попасть?

– Запросто! Мой папа дружит с его руководителем! Па-а-ап!!!

А папа его был худруком ансамбля. И все как-то так сложилось... Родители мои тоже обрадовались, что я пристрою свою дурную энергию, не буду слоняться по улице и пролеживать на диване.

– И как раз с сентября начнёшь заниматься с Суреном Исааковичем.

– Да! – сказал я, свято в это веря.

Все хотели, чтобы я стал человеком и инженером-конструктором. И я хотел быть человекоинженеро-конструктором. Мой отец хотел быть конструктором, но что-то там в молодости у него не состыковалось. Теперь конструктором должен был стать я! Мечтал конструировать летательные аппараты. По стопам, так сказать... Ну, а устраивать ржаку можно и за кульманом, управляя рейсшиной и орудя рейсфедером...

Ещё одна история про папу. Папа хорошо рисовал. Мог на глаз провести прямую без линейки с точностью до миллиметра. Он так затачивал карандаши бритвой, что их можно было выставлять на ВДНХ рядом с «Рабочим и Колхозницей». У нас дома всегда было множество разных заточенных карандашей. И цветные, и простые. Я сказал, что папа хорошо рисовал? Да, только делал он это редко, когда я был

маленьким, а потом совсем перестал. Я помню его рисунки простым карандашом. Это были шедевры графики... Мне тоже так хотелось. И вот мне лет десять. Я рисую свой шедевр. Кажется, это был корабль в бушующем море. Ну, мне так хотелось. И, закончив рисунок, я побежал к папе.

– Пап, пап! Смотри!

Папа ремонтировал кран в ванной. Он глянул на рисунок.

– Ага! – и продолжил борьбу с краном.

«Ага»... И что это могло означать?

Ванная у нас была проходная. Чудеса хрущевской планировки. «Извините, вы тут моетесь? Позвольте мне на кухню пройти? Могу заодно вам пяточки потереть тёркой для овощей!» Значит, я прошел через ванную в комнату. Посидел там. Как же так, «ага» и всё? И пошёл обратно, размахивая перед собой рисунком. Остановился рядом с папой.

– Странный какой-то рисунок, да?

– Нормальный...

Папа продолжал сражаться с краном. Я прошел ванную насквозь. Оказался в кухне. Рисунок не давал мне покоя... Я пошёл в обратную сторону, держа рисунок перед лицом. Комната. Обратно. Рисунок над головой. Обратно... Чего я хотел добиться? Папа колотил по крану разводным ключом. Гайка прикипела. Я сидел в кухне и тупо смотрел на рисунок. Чтобы он издох, этот кораблик или что там нарисовано... Я схватил мусорное ведро. Принес его в ванную. Поставил рядом с папой. И швырнул туда рисунок. Папа посмотрел

на меня, как будто искал, где у меня гайка.

– Ты чего?

– Дурацкий рисунок! – сказал я и ушел на улицу.

Зачем мне вспомнилась эта история???

Я начал ходить в молодежно-эстрадную студию. Сатирические, юмористические сценки, монологи, песни. Райкин был кумиром. Жванецкий – небожителем. Хазанов – предел мечтаний. Одним словом, ржака. Несколько раз приходил к нам домой Сурен Исаакович. Но не заставлял меня дома. Я был на репетиции. А мама разводила руками, обещая поговорить со мной и повлиять, чтобы я наконец начал заниматься математикой всерьез.

В ноябре должны были играть концерт. Я в сценке про восточный базар играл нечистого на руку продавца фруктов. Ну, такая короткая зарисовка к основному действию. Пара слов. Одна общая песня. Два танца – четвертый бродяга в пятом ряду. И поклон. Я был счастлив. Но нужна была ночная репетиция. Большая. Сводная, так как многие актёры самодеятельности днём работали. Они-то были сами себе хозяйева. А я? Меня надо было отпросить у родителей. И наш руководитель – кстати, спустя лет десять он стал раввином бакинской синагоги – приехал ко мне домой. Меня отправили в мою комнату. Родители закрылись в гостиной с руководителем для серьезного разговора. Они не хотели меня отпускать на ночь. Я ждал долго, пока не услышал.

– Иди к нам сынок!

Я пришел.

– Тебе точно это нужно?

– Точно!

Подключился папа.

– Вы считаете, у него получится?

Руководитель сделал паузу. Посмотрел сквозь меня, потом на родителей. Поправил галстук, он всегда был в нем.

– Знаете, таланта тут нет... Но текст он выучил. И потом, вы поймите, у нас не осталось людей. Мне нечем его заменить!..

Наверно, только эту последнюю фразу я и услышал, потому что стоял, весь дрожа от счастья.

– Но потом математика! – сказал папа.

Да хоть потоп и пришествие инопланетян на ковчеге, пронеслось локомотивом в моей голове.

Концерт состоялся. Родители тоже были. Но что они могли сказать, увидев свое чадо в массовке? В лицо они не стали меня жалеть. Спасибо им! Мы ехали домой на другой конец города. Папа молча смотрел в окно. Мама рассказывала, как молодая, никому не известная тогда София Ротару пела в ресторане в городе Черновцы в соседнем зале во время свадьбы моих родителей. И это правда. А я, зная эту историю, улыбался в надвигающееся будущее. Помните сцену из фильма «Берегись автомобиля»? Смоктуновского в машине с ментами и цветами? Вот приблизительно так! Не жизнь, а ржак!

Я сходил, как и обещал, на занятие по математике. Было

нормально. Теперь надо было съездить в студию и сказать, что я не буду больше ходить. Надо к экзаменам готовиться. К поступлению в МФТИ. И все такое... Руководитель чуть опоздал и пришел не один.

– Знакомьтесь, это... актриса Театра Русской драмы. Моя хорошая знакомая. Ей есть что сказать.

– Я смотрела ваш спектакль. Вы такие молодые, задорные. Наш главный режиссер хочет набирать русский курс в Институте искусств. Это большая редкость. Театр русский в Баку один. И набор на русский курс бывает раз в пять лет. Так вот, есть возможность пройти предварительное прослушивание. Сейчас ваш руководитель скажет, кому и куда завтра прийти.

– Значит так! Леня, Вадик, Саша... Завтра в 11.00...

– А можно мне тоже? – это был я. Я, который пришел сказать, что не буду больше заниматься в театре. Я, который собирался в МФТИ. И если бы мне тысячу раз представилась возможность переделать этот день, я бы сделал то же самое. Клянусь, чем хотите! Этот день я пережил бы один в один, не меняя ничего! Ни слова. «Я тоже хочу на прослушивание!»

Руководитель смотрел на меня так, как будто я с Луны свалился. Ему было неудобно перед актрисой. Он держал ее за руку и шептал что-то типа «Я все улажу!» или «Ему-то какого хера надо?» Актриса смотрела на меня. Точнее, в меня. Что-то она там рассматривала! Ощупывала своими ду-

шевными щупальцами... Кстати сказать, она была ведущей артисткой театра. Собирала аншлаги. Между тем, пауза затянулась. Народ в комнате начал хихикать. А потом смеяться в голос... Я повторил:

– Можно мне тоже на прослушивание?

Народ покатился со стульев. Руководитель, поправляя галстук, смеялся. Актриса улыбалась. Помните, как я читал стихи? Это повторилось опять, семь лет спустя. Я был в десятом классе. Только теперь, тетрадь свою по математике с делением я никому не позволю пускать по кругу.

– А пусть тоже приходит! – вдруг сказала Актриса. – Он молодой, высокий, светловолосый! Большая редкость у нас. Может пригодиться.

И воцарилась тишина. Народ безмолвствовал.

А дело, ведь, происходило в Баку. Средний рост молодого человека 175, в основном – темные волосы и карие глаза. Конечно же они и красивые и талантливые. Но я был как белая ворона. И я пришел на прослушивание. И мне сказали приходить на экзамен.

– Боже, отец! Ты слышал это!

Отец махнул рукой и ушел чинить кран на кухню. Надо было успеть до футбола по телевизору.

– Дурак! – послышалось из кухни. Кому это было сказано, я так и не узнал.

Мне, себе, крану?

– Это твоя жизнь, я не буду тебе мешать! – сказала мне

мама.

Мы оба плакали. На кухне текла вода.

Отец долго не мог понять, приходя домой и видя меня на диване, как можно так учиться. На третьем курсе я позвал родителей на спектакль. «Ловушка 46, рост второй» Щеко-чихина. Я играл Чижа. Над моим героем издевались, а потом он убил обидчика. В финале спектакля я стоял на коленях и плакал. В зале на третьем ряду прямо передо мной сидел отец и рыдал. Мама его успокаивала. Больше он никогда не спрашивал, чем я занимаюсь...

Потом мы уехали из Баку. Сначала поселились в Орле. Потом я переехал в Москву, и мы с родителями как-то редко стали видеться... Мама заболела и умерла. Рак... Папа в мои редкие приезды ставил на стол водку и хлеб с селедкой, и мы молча опрокидывали по паре рюмок.

– Эх, сынок, пошел я на х...! – говорил отец и выпивал.

На прощанье он долго и молча держал меня в объятьях. Просто долго и молча. Прижимая своими большими и теплыми ладонями... И через год его тоже не стало.

А потом меня бросила любимая девушка, и стало, как то совсем одиноко. Я искал спасения на сайтах знакомств. Мне было безразлично, что это помойка. И вот там, среди прочих сумасшедших, какая-то доморощенная изотерическая психологиня посоветовала мне:

– Попроси прощения у отца!

– Это как?

– Зажги дома свечу и попроси прощения!..

Я так и сделал. Я зажѐг свечу. Я смотрел на огонь. Я видел отца в третьем ряду. Я видел маму рядом с ним.

– Простите меня! Простите, что я не стал математиком!

КАК Я БЫЛ ТАМАДОЙ...

Она была с меня ростом, а я, ну так, чтобы не соврать, 185—187 в зависимости от настроения, и у нее был огромный бюст. Ну, как в порно комиксах. Высокая, стройная, с огромной анимешной грудью и метр восемьдесят семь без каблучков. А в тот вечер она была на каблуках (плюс ещё 15 сантиметров) и с ухажером – мулатом, который катился с ней рядом в районе ее пояса и обильно потел, потому что было лето. Да и вообще потели все вокруг, потому что на свадьбу положено приходить солидными и в костюмах. А это была свадьба, и я был на ней ведущим. И мне было жарче всех. Потому как мой костюм был моим приговором к влажной сауне до конца мероприятия. Я с завистью смотрел на гостей: они имели право снять пиджак, а я нет. А ещё это была моя вторая свадьба, которую я вел. Думаю, от этого я тоже потел. Ну, и при взгляде на нее в КРАСНОМ платье с разрезом на спине до поясницы. Да, я тоже до этого думал, что так бывает только в кино! Не веришь? Можешь дальше не слушать... Друг мне подогнал эту свадьбу, это были его знакомые... И ее он знал. Один круг общения. Какого хрена я согласился вести эту свадьбу!!!

Света! Светлана! Ко всему прочему она была подругой невесты, и я по долгу службы должен был общаться с ней! Это не просто совпадение, зачем-то подумалось мне в моей

воспаленной жарой и тестостероном голове. Дальнейшее было последствием этой мимолетной мысли.

Зачем я согласился на эту свадьбу!!!

Я очень волновался! Так волновался, что у меня случилось расстройство желудка, или чего там бывает, когда крутит живот и что-то все время просится на выход, сверху и снизу, и страшно отойти от туалета. А тут ещё эти женихи и невесты, и она в красном платье. И вопрос жизни и смерти: доскажу ли я этот тост до конца в зале или закончу его в уборной, благо микрофон радио? Но свадьба пела и плясала, иногда играла, и всё реже говорила тосты, и все больше пила.

Свидетельница была очень активная и всегда рвалась помогать мне во всех конкурсах. Ну разве это могло быть совпадением? Так, во время одного из соревнований, когда команда жениха и команда невесты пытались передать с завязанными глазами огурец изо рта в рот (негигиенично? Да! Но, во-первых, они уже были проспиртованы, во-вторых – было смешно, в-третьих – им было пофиг), она как-то близко подошла ко мне, я как-то неловко повернулся и, о боги, моя рука оказалась зажата между ее грудями. Прямо щелк! И заклинило! Я стоял красный, как ее платье, руку заклинило, живот скрутило с новой силой! Она смеялась! После нескольких моих робких неудачных попыток Светлана помогла мне! Она расправила плечи, разомкнув таким образом зажим. Я был безумно ей благодарен и со словами «спасибо,

сударыня» (почему, бл... ть, сударыня) удалился в туалет. При возвращении обратно дорогу мне перекрыл друг, который пригласил меня на эту свадьбу.

– Ты чего творишь? Совсем нюх потерял? Ее парень бандюган, шишка! А ты его вещь лапаешь! Ты хочешь, чтобы тебя нашли в помойке без причиндалов?

– Не, без причиндалов не хочу!

Оказывается, эта сцепка двух вагонов не осталась незамеченной!

– Он видел?

В животе опять что-то собралось наружу.

– Не видел! Больше так не делай!

– А больше так навряд ли получится!

– Иди, там жених тебя ищет!

И я пошел... Необычного в свадьбе этой было многовато для одного торжества.

Ну, во-первых, невеста и всё ее окружение, друзья, родители, все были МИЛИЦИОНЕРЫ! Сама она была в звании капитана, а отец ее – подполковник! А это вам не хухры-мухры. Во-вторых, жених был из ПРОКУРАТУРЫ и все-все-все с его стороны были прокурорские! И все они сошлись на одной территории. Как это вообще случилось? Это же Монтекки и, мать его, Капулетти! И столы были поставлены буквой П. И напоминало все это карту военных действий. Третья из странностей. Как тут оказался этот мулат, бандитская шишка, вместе со Светланой? Хотя она, как я понял потом,

могла оказаться где угодно и когда угодно, хоть на Марсе, хоть на дне океана. Выпускница ВГИКа. (Это значит, что она актриса, если кто не в курсе.) Но ее ухажер? Он не был артистом! Я думаю, что с искусством его связывала только его девушка. Зивета! – как он ее называл. И сидел он не где-нибудь, а на вершине буквы П в левом углу. Рядом с родителями невесты.

Что касается моего друга, то он был, как и я, из театра и являлся родственником жениха. В семье, как говорится, не без уroda. Все остальные странности были мелкими, и я про них рассказывать не буду. Невеста была девушка крупного телосложения! Как выяснилось, чемпион России по самбо! Да, я тоже вздрогнул, когда узнал! Коротко стриженная. С выбритым затылком под фуражку. Фата на ее голове держалась при помощи завязок, как шапочка для басейна.

Жених был ей по плечо и в три раза тоньше. Интеллигенция, одним словом. Исчезающий вид. Чемпион института по шахматам. Уже после третьего тоста и моего провокационного «горько!» невеста перестала быть управляемой и сама кричала «горько!», когда ей вздумается. Она выкрикивала это, как «Стой, стрелять буду!», хватала жениха за лацканы пиджака и поглощала его. Он растворялся в ее губах. Только уши торчали. Так я осознал, что значит «растворился в поцелуе» и «исчезающий вид».

После очередного конкурса, не того, где меня заклини-

ло, были ещё, я увидел, что мулат очень недоволен поведением Светланы. Да, они просто скандалили! Прямо на чужой свадьбе! Невеста орала «горько!» Столы перебрасывались бутылками! Ну, то есть, милиция бросала пустые бутылки в прокурорских, а те, в свою очередь, бросали их обратно. Такая невинная забава. Как игра в снежки. Крепость одна. Крепость другая. И я между ними. Я уворачивался от летающих ножей, вилок, кусков всякой еды и думал: Это пи... ц! Неужели это я в этом виноват?

Я видел, как мулат, что-то прокричав на своем, мулатском, ушел из ресторана. Как Света села на стул и заплакала. Как ее успокаивали родители жениха и невесты, милиция и прокуратура. А изо рта невесты торчали только ножки жениха.

Ко мне подошёл отец невесты, я приготовился к страшному... Но он нежно вложил мне гонорар в ладонь. Приобнял по-отечески и сказал: «Молодой человек, спасибо вам за все! Нам очень понравилось! Вы идите, мы уж дальше сами! И... простите, если что не так!» Пожал мне руку и пошёл к столу, как ледокол, покачиваясь на волнах свадебного шабаша, отбиваясь от пролетающих мимо него тарелок и фужеров. Я смотрел ему вслед со слезами благодарности. Мне нечего было сказать... Я на прощание оглядел беснующихся гостей в поисках красного платья, но его нигде не было. «Наверно, все это мне померещилось», – подумал я и вышел на улицу.

Была уже ночь. В переулке налево было темно, кто-то по-

разбивал все фонари... В переулке направо горел один фонарь и под ним, как под душем, на бордюре, сидела она в красном платье и курила. Я подсел:

– Поругались?

– А, ну его! Не первый раз! Ревнивый...

– Ммм! Понятно...

Пауза.

– Сигарету будешь?

– Я не курю... Давай!

Закурил. Пауза.

– Чего делать будем? – спрашивает она.

– Будем? Мы?

– Ну, а кто же?

«Как в кино» продолжалось! И по всем правилам жанра я спрашиваю:

– Может, ко мне?

– Давай! Только шампанского возьмём!

– Конечно! Я в коммуналке живу.

– Ты не хочешь, чтобы я ехала? Не бойся, я громко кричать не буду...

Взяли шампанского, потом такси. Ехали молча. Она смотрела в окно. Я вспомнил:

– А ещё там на кухне мухи живут!

– Это как?

– Сталинский дом. Мусоропровод на кухне, по всем этажам. Я на пятом живу. И что-то там застряло. И гниёт. Ле-

то же... Мы с соседкой кухню замуровали. Теперь там мухи живут.

– Прямо фильм ужасов! А что соседка? Красивая?

– Бабулька! Вечно в замочную скважину подглядывала...

Ну, я ей и показал то, что как раз на уровне замка находится.

Перестала подглядывать.

Пауза.

– Что показал?..

– ...

– Ааа...

Свадьба, видать, выпила из нас все соки... Мы подъехали.

– Как соседку зовут?

– Мария Никифоровна... А зачем тебе?

– ...

– Спит, наверно, уже. Два часа ночи.

Я тихонько открыл дверь. Мы, стараясь не шуметь, разделись. Благо, комната моя была у входа...

– А где ванная и кухня?

– Дальше по коридору...

Она прошла вперёд и остановилась. Прямо перед ней была стеклянная дверь на кухню с заклеенными щелями. Там жили мухи. Но сейчас была ночь, и они спали.

– А это куда?

Она показала на двери справа и слева от кухни.

– Справа – ванная, слева – бабкина...

Сказал я шепотом. Вдруг она включила на кухне свет. Что

тут началось... Кухня ожила! Черные, зеленые, оранжевые мухи-мутанты подняли рёв и стали биться спросонья в окна, в стены, в шкафы. Мне казалось, что они сейчас выбьют стекло. Их были тысячи! Миллионы! Миллиарды!

– Ахренеть!!! – сказала она. – Баб Мария, доброй ночи! – постучала она в дверь соседки. – Я в душ! Не заходите! Всё! Я быстро! Только полотенце мне принеси!

И она скрылась в ванной комнате. Я услышал, как зазвенели ключи в комнате Марии Никифоровны, и сбежал в свою комнату. Мухи с презрением гудели мне вслед.

Так! Надо принести полотенце... Но там же соседка! Блин, как быть? Я стоял у двери в своей комнате и прислушивался, пытаюсь понять, есть ли кто-нибудь в коридоре. Мял в руках полотенце... И услышал...

– Доброй ночи, баб Мария! А чего вы не спите?

И босые шаги мокро зашлепали по коридору. Открылась дверь. На пороге стояла Светлана, совершенно мокрая и абсолютно голая, держа в руках красное платье.

– Ты чего так долго? Спокойной ночи, баб Мария!

– Бесстыдница! – проревела соседка. – Сталина на вас нет! – дверь ее захлопнулась.

– Ну, чего же мы стоим? Я в постельку, а ты в душ! Жду тебя!

Значит, я в душ... Встав под воду, я почувствовал какую-то неведомую мне прежде усталость. Мне так захотелось спать!!! Вода стекала по моему телу, как будто не касаясь его.

Холодная или горячая? Что происходит? Или я уже сплю? Или я в принципе сплю? Может, я вообще ещё не проснулся и всё это сон? Я крутил краны... Холодная... Горячая... Вода была одной температуры – НИКАКОЙ! Мне надоело измываться над кранами, и я вышел в коридор так же, как и она, голый и мокрый! Баб Мария стояла у моей двери... Увидев мою голую и мокрую личность, она отскочила, как ударенная током! Перекрестилась! Плюнула в мою сторону:

– Бесстыдники! Креста на вас нет!

– И Сталина на нас нет! – ответил я и зашёл в комнату.

Постоял... Повернулся к замочной скважине... туловищем, на всякий случай. Контрольный выстрел. И пошёл вглубь комнаты, туда, где была кровать. Да, кровать была всё ещё там, но на ней, впервые за полтора года, лежала девушка!!! В свете луны она светилась изнутри теплым голубым блеском. Несочетаемые качества, да? Да! Но так было! Может, потому, что у меня полтора года никого не было? Руки не в счёт... Девушки не было! Ну, вы уже поняли. Больше повторять не буду, что ДЕВУШКИ НЕ БЫЛО! Фух! Ну, ладно... Дальше! Такая длинная, на всю кровать, светящаяся, только губы горели алым цветом! Так вот ты какой, цветочек аленький!!! Время падало в прошлое, превращаясь в воспоминания! Я продолжал стоять. Она пошевелилась:

– Ну, чего ты там? Иди ко мне...

И я пошел. Точнее, пополз по ней вверх. Как по отвесной теплой ледяной скале. Дух захватывало. Я начал задыхать-

ся. Мне не хватало воздуха. Сердце взрывалось в разных частях тела. Я продолжал ползти. Колени! Бубух, моё сердце... Бёдра! Бубух-бубух... Живот! Бубух-бубух-бубух... Грудь! Я не могу дышать... Аленький цветок!.. Бабах! Выстрел! Я разрядился! Как? Как это случилось??? Никто из нас не ожидал! Ни я, ни она, ни баба Мария:

– Сталина на вас нет! – бурчала она за стеной...

Хозяйка светящегося тела и аленького цветка погладила меня по голове:

– Ну что ты, милый, не расстраивайся! – и она тут же уснула.

Утром, когда я проснулся, ее уже не было. Как я мог так облажаться! Мне нужно было как-то реабилитироваться! Перед собой прежде всего! Извиниться – перед ней, конечно же! Но как это сделать??? Я не знал ее телефона! Я не знал, где ее искать! Я вообще про нее ничего не знал! А! Товарищ! Который меня на свадьбу позвал! Он должен знать! Вот мое спасение! Твою ты мать! Абонент недоступен! Утром! Днём! Вечером! Ночью! Абонент недоступен! Бл... ть! На следующей день то же самое. Два, три, четыре дня! Я что, провалился в параллельную нереальность! Урод! Бл... ть! Козёл! Это я про себя! Как меня угораздило???

– Алё!

– Господи, дружище! Где ты? Я звоню тебе неделю! Куда ты пропал???

– На съёмки уехал! Ночью, сразу после свадьбы. А там

связи не было. Степи, понимаешь ли.

– Понятно! Ну, клёво! Я собственно, с вопросом! С просьбой! Ты можешь мне дать телефон Светы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.